

Виктор
Горюнов

ФЁДОР

Виктор Николаевич Горюнов

Фёдор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23556073

Аннотация

Иногда, привычный мир становится слишком обыденным. День за днём проходят как один, а редкие, но яркие моменты приковывают к себе всё внимание обывателя, оставляя вне поля зрения очень важные события. Фёдор – как раз тот самый обыватель. И за его спиной происходят просто шокирующие вещи, да и судьба к нему не столь благосклонна, как хотелось бы. Иногда она просто откровенно смеётся в лицо. Но потомственный ведьмак не отчаивается... Ab exterioribus ad interiora (от внешнего к внутреннему)

Фёдр По

Иногда, привычный мир становится слишком обыденным. День за днём проходят как один, а редкие, но яркие моменты приковывают к себе всё внимание обывателя, оставляя вне поля зрения очень важные события. Фёдор – как раз тот самый обыватель. И за его спиной происходят просто шокирующие вещи, да и судьба к нему не столь благосклонна, как хотелось бы. Иногда она просто откровенно смеётся в лицо. Но потомственный ведьмак не отчаивается, хоть и не понимает до самого последнего дня в своей жизни, что же происходит вокруг него на самом деле. Зато обо всём прекрасно осведомлены другие персонажи. У каждого из них свой взгляд на мир и свои далеко идущие планы. И каждый уверен в том, что мир прогнётся под него. Однако, эта самая уверенность им и мешает... Но, их борьба за мировое господство имеет и ещё один недостаток – правители мира сего совсем сбросили со счетов Федю. И как оказывается, зря...

Фэнтези, юмор, философия и лирика, яркий коктейль мысли Вы найдёте в этом бокале. Но не стоит пить его залпом, данный напиток следует смаковать.

Ab exterioribus ad interiora

(от внешнего к внутреннему)

Фёдор По или Что происходит

Глава первая – Разбор полётов

Глава вторая – Свадьба

Глава третья – Не последняя

Глава четвёртая – Мать на прогулке

Глава пятая – Дорогу упырям

Глава шестая – Иллюзия

Глава седьмая – Жизнь с чистого листа

Глава восьмая – Развязка

Глава девятая – Открытые глаза

Глава десятая – Накал страстей

Глава одиннадцатая – Добро пожаловать

Глава двенадцатая – Козырь червы

Глава первая – разбор полётов

Солнце, пыльное солнце настойчиво пробивалось через узкие щели деревянных ставен, пронзая комнату яркими лучами дневного света. Фёдор перевернулся на бок, дабы растянуть неизбежную кончину сладкого, но обречённого сна. Почему самые приятные сны всегда обрываются, причём в самый ответственный момент? Руки потянулись в пространство, делая кистями гладящие и сжимающие движения, губы свернулись в трубочку, но... девушка стремительно исчезла вместе с пропавшим сновидением, не в первый раз раздосадовав юношу. Сколько это будет продолжаться, неужели у

этого сна никогда не будет логического завершения? Послышалось чертыханье, сменившееся обиженной зевотой. Тело потянулось и обмякло.

Петухи, и что им неймётся? Каждое утро они дерут глотки, как будто им всадили что-то где-то сзади, и они, лишённые разума, пытаются заглушить боль этими... криками. Даже курицы, несущие яйца наводят меньше шума. Даже эти несчастные создания, обречённые изо дня в день пропускать яйца через задний проход. Как только не смеётся природа... нет, и правда, достаётся же бедным несушкам! Хм... петухи похожи на волков, удивительные создания. Волки воют на луну, но оно и понятно,— от жизни волчьей. А этим то чего не хватает? Живут в гареме, кормёжка обеспечена. Нет, умом их не понять.

Подобными вопросами Фёдор задавался весьма часто, тема петухов вообще мучила его с детства. С самых ранних лет он обречён слышать их каждое утро. Конечно, любой другой уже бы давно смирился с этой участью, но только не он. В голову пришла навязчивая идея открыть ставни и кинуть в это горланящее отродье что-нибудь тяжёлое. Но желание понежится в тёплой кровати (как раз это желание и спасет многострадальную куриную душонку), взяло верх над внезапным снисхождением благой мысли, и он закутался в одеяло, проявляя явное нежелание распрощаться с ним до обе-

да. Тем более, что никаких важных дел не предвиделось, а родителей явно не было дома, так как не слышалось характерного шума.

Отец Феде был знатным потомственным ведьмаком, за работавшим славу и уважение в неоднократных походах на нечисть. На его счету была ни одна кровавая баталия против нескончаемой армии зла, он защищал людей, помогал обездоленным... в общем в народе слыл героем. Он хотел видеть сына, похожим на себя, обучал его тайным знаниям, ратному делу, рассказывал секреты борьбы против зла. Федя слушал и кивал без особого энтузиазма. За последние триста лет папа и его предки перебили всю нечисть в округе, люди жили счастливо, порчу никто не наводил, овец не воровал, детей не обижал и девушек не охмурял. Словом, надежда о том, что когда-нибудь удастся увидеть хоть одного живого упыря, канула в лету. Федя с досадой вздохнул, и перевернулся на другой бок, накрывшись одеялом с головой, чтобы лучи солнца не ласкали закрытые веки.

Мать была простой крестьянкой, она всегда верила в светлое будущее любимого сына и постоянно напоминала ему о тех подвигах, которые ждут его уже завтра. Не то, чтобы он не хотел этого, нет, наоборот, он проявлял удивительную решимость и твёрдость намерений, вот только подвиги не спешили ему на встречу. «Оно и к лучшему»,— постоянно уте-

шала заботливая мать,— «больше времени подготовиться, пожить мирской жизнью...». Не понимала матушка, что кровь юношеская кипит, щекочет мысли, и жизнь мирская в горле сидит. Федя ещё раз вздохнул всё с той же досадой, но изпод одеяла не вылез. Уж больно хорошо оно,— поваляться вот так в постели, набраться мыслей, да и петухов под одеялом меньше слышно. Конечно, кричать они уже перестали, но неприятное ощущение всё ещё оставалось. Неужели они больше никого не раздражают?

Стало слышно, как открываются ставни, некоторые женщины выходят на улицы и снимают с верёвок сухое бельё, попутно болтая о тонкостях дел житейских, и поздравляя друг друга с добрым утром. Ещё два часа — и город оживится: на улицу выбегут дети, играя друг с другом да со всякой живностью, которую найдут, вернутся мужики, ушедшие ещё по росе косить траву, снова раздастся звон кузницы, охотники пойдут в лес, юноши займутся скотом, запаской дров и прочими премудростями. Ах, да,— этот странный поп, недавно поселившийся на окраине, снова пойдёт в колокольню, зазвучит громкий бой колоколов. Фёдр сравнивал его с запоздалым петухом, потому как звон колоколов тоже нарушал его единение с теплом постели и плавным ходом мыслей. Федя не любил попа. Имя у него какое-то странное,— Изафон. Разве может человек с таким именем быть нормальным? Подозрительный тип,— всегда приветлив, вежлив, речи говорит

проповедные, да вот только веры за словами не слышится...

Солнце становилось ярче, город – оживлённым и шумным, надежда о том, что возможно ещё удастся поймать тонкие нити сна, таяла как снег под полушубком, – также стремительно и ободряюще. Фёдор сдёрнул одеяло, лениво сел на кровати и начал настойчиво, но вяло искать свои тапки, вытирая пол босыми ногами. На мгновение процесс прекратился, – он протяжно зевнул и шмыгнул носом, после чего продолжил безуспешное дело. Наконец долгожданные тапки из плотной кожи были найдены, и ноги опустились в знакомое, но влажное пространство.

– Дусяя!, – раздался пронзающий крик взбешенного Фёдора, – Ты мне мстишь, Дуся, за прокисшую кашу, или за колокольчик в ухе, или за красный бантик на хвосте? Ох уж эта кошка, не первый раз облегчается в мою обувьку... Дуся! Дуся, ну только попади мне под струю в тёмный час у забора! Сухого места не оставляю!

Носить сапоги в такую жаркую погоду он не любил и решил не обуваться вовсе. Благо коровьи лепёшки зря не расходовались и бережно соскребались с дорог, дабы потом быть закопанными в грядки. Юноша встал с кровати и открыл ставни, яркий свет ударил в комнату. Брёвна домов, покрытые лаком и смолой, искрились, отражая лучи солн-

ца, обнажённое небо напоминало о ясной и безоблачной погоде, предсказанной его отцом. Поп уже ходил по заполненным улицам и читал свои проповеди, говоря о Боге едином и обо всех его премудростях. Фёдор с пониманием улыбался, и улыбка становилась ещё шире, оголяя все юношеские зубы, когда его взгляд встречался с внимающими людьми и их округлёнными, полными восторга глазами. Поп уже переманил в свою веру треть населения, но никто никого ни в чём не винил. Каждый вправе сам выбирать, во что верить. Вот только прихожане, ходившие в церковь, как-то странно менялись...

Глаза юного ведьмака прищурились, и на лице появилась зловещая улыбка. Одним прыжком он подскочил к кровати, схватил тапки двумя руками, слегка прицелился и швырнул их вдаль, как два острых ножа. Дуся почувствовала свой запах, некогда оставленный на известном месте, за несколько метров и сообразила в чём дело, отпрыгнув от колодца. Хвост Дуси мастерски подцепил один из нацеленных тапок и переправил его прямо в воду.

Фёдор упал на пол, присев на корточки, дабы никто не заметил виновника этого небольшого недоразумения и его необдуманного поступка, побуждаемого благой мыслью.

Так, на корточках, он подошёл к шкафу, резко встал, от-

крыл дверь и пошёл на кухню.

На столе лежал гладкий прямоугольный кусок чёрного дерева, мелом на нём было написано следующее: Федосик, папа ушёл в соседнюю деревню лечить захворавшую корову, я на речке, стираю. Не забудь покушать, каша в печке, твоя любимая,— гороховая. Федя не любил гороховую кашу, но желудок неумолимо просил пищи, так как вчера ему было отказано в ужине, по причине его единственной составляющей,— гороховой каши.

Привычным жестом он стёр надпись лежащим рядом платком, взял в руку мел и написал: Спасибо МАМУСЮ-СЯЧКА. После чего каша была извлечена из печи, и началась неприятная, но необходимая трапеза. Появилась Дуся, плавной походкой подошла к столу и невинным взглядом уставилась на хозяина. «Ну и Стерва»,— вырвалось у того. Согласное мяу послышалось в ответ. Кошка прыгнула к нему на колени и начала ласкаться об локоть. Натянута улыбка появилась на жилистом лице, и раздался приглушённый сдавленный смех. «Точно стерва », – выронил Федор, беря её на руки, погладил и почесал за ухом. Наглая мордочка прищурила глазки и протяжно замурлыкала, цепляясь когтями за рубаху. Всё-таки он любил эту кошку, как-то легче становилось, когда ухо слышало её мурлыканье, а руки ощущали мягкую тёплую шерсть. Конечно, были поры-

вы связать из этой шерсти рукавицы, но они не воспринимались всерьёз заботливым хозяином. Потому как зимой без шерсти Дуся вряд ли продержалась бы долго, а без неё было бы очень скучно.

Окончив трапезу, ведьмак поднялся по лестнице на второй этаж и зашёл в библиотеку, где обитали книги, накопленные его предками за триста лет. Как-то совсем некстати там стояло зеркало в полный человеческий рост. Именно к нему подошёл юноша, стянул рубаху и заиграл мышцами, жилистыми, но не очень объёмными. Довольный увиденным, он встал в соответствующую позу: скрестил руки, слегка задрал голову и выставил левую ногу вперёд. Тёмные волосы разлетелись по плечам, нос с едва заметной горбинкой вздёрнул ноздри, а карие глаза приняли всепроникающий вид.

Фёдор любил эту позу, в ней он ощущал себя величественно и неотразимо. Его взгляд плавно перекатился в сторону и прошёл по всем книжным полкам. Большинство из книг поражали слоем пыли, скопившейся на них, на некоторых виднелись размазанные отпечатки пальцев, и лишь на единицах пыли не было вообще. С важной походкой он устремился по книжным рядам и с видом знатока принялся выбирать что-нибудь интересненькое. Рука протянулась к одной из книг, аккуратно взяла и обтёрла пыль с обложки об портки. Страницы заключались в твёрдый переплёт из красной

кожи, сверкающая позолота складывалась в незаконченное предложение: Как убить страх и заставить себя (буквы, составляющие последнее слово, представляли собой расплавленную кляксу). Федя решил посмотреть, что внутри,— к сожалению, картинок он не обнаружил, шрифт был мелким и неразборчивым. Книга обречённо залезла обратно в щель между соседями. Как же сложно выбрать что-нибудь для души! Названий не видно за плотной серой бронёй, делать себе рекламу и озвучивать рецензии самостоятельно книжки не умеют...

Федя уныло поднял с пола рубаху и подошёл к окну: в маленьком дворике играли дети, залезая на деревья и явно соревнуясь. Вот один из них залез на самую верхушку и показал остальным неприличный жест. Те в свою очередь ускорили темп, дабы выявить следующего чемпиона на лестнице победителей. Ветер трепал волосы на голове торжествующего мальчугана и он с явным удовольствием наблюдал за бывшими соперниками, расплывшись в широкой улыбке. Одинокий сокол разрезал небесные просторы, сорванец, с выраженным восторгом устремил на него взгляд, вытянул шею и наклонился всем телом, чтобы разглядеть небесного жителя, тем самым едва не обеспечив себе неожиданное падение с самой верхушки старого клёна.

Ведьмак дал волю лёгкой улыбке,— когда-то и он был та-

ким же мальчишкой и также зачарованно познавал мир... но годы беспощадны. Он достиг совершеннолетия, — семнадцать зим, по всем законам он являлся рекрутом, но дружина не привлекала его. Отец, пользуясь положением, оградил его от этого. Он знал, что Федя ещё не готов к солдатской жизни, в душе он был романтиком. Романтику Фёдор олицетворял в лице беззаботной жизни и сладкого сна. Сон вообще играл в его жизни особую роль. Многие сны снились, дополняя друг друга, тем самым, объединяясь в плотную реальность и ещё один непознаваемый и увлекательный мир. Там были и кровавые баталии с полчищами нечисти, и воздушные поцелуи прекрасных принцесс, и верные друзья, готовые отдать жизнь за своего товарища, — все, что привлекало молодого юношу с кипящей кровью. Вот только один до боли знакомый сон никоим образом не стремился к вполне логическому завершению, что очень обижало Федю. В глубинах своей необъятной души он хранил надежду о том, что возможно, когда-нибудь концы свяжутся, он досмотрит прекрасный сон, и не один, а сотни, тысячи раз! Он задумчиво зевнул и устремил вдаль удовлетворённый взгляд, полный искушения и вполне определённой фантазии.

День только начинался, и нужно было думать, чем заняться в ближайшее время. Юноша неспешно побрёл в соседнюю комнату, здесь хранились доспехи предков, в том числе пара запасных вариантов его отца, а один комплект — его

собственный. Об этой комнате ведьмак хранил впечатления с самого детства, неоднократно пробираясь сюда под запретом отца, будучи ещё совсем маленьким, задумчиво осматривая сверкающую броню и клинки самых разных сортов. Здесь были и трофеи. Вот шлем самого короля личей, как поговаривал отец, а вот посох самого жестокого некроманта всех времён. Его забрал в честном бою ещё Федин прапрадедушка. Он удивлял своими резными узорами и обилием драгоценных камней. На самой верхушке возвышался здоровенный окаймлённый рубин, до сих пор излучающий магическое сияние. Фёдор тоже учился магии, правда, особых успехов в этом деле не наблюдалось, но отец говорил, что это в крови, что придёт день, когда сила проснётся, растекаясь по каждой нервной клетке своего хозяина.

Послышался короткий вздох, и непонятное бормотание, видимо адресованное отцу семейства. Это бормотание переместилось в коридор, потом обратно в комнату, послышался звон металла, щелчки застёжек, учащённое дыхание и неопределённое рычание (видать от натуги). Тяжёлые шаги преодолели коридор и перенесли нечто обратно в библиотеку. Юноша надел старые доспехи, скованные, скорее всего из чугуна, и явно большего размера, чем требовалось. Зеркало отражало шатающуюся чугунную фигуру, очевидно, еле сдерживая смех. В опущенной руке чугунный парень держал двуручный меч колоссальных размеров, кончик его про-

скребывал по полу. Он начал подниматься в воздух, послышалось напряжённое рычание, меч взвился и стал описывать круг над головой владельца.

– Федоосик, – слышался женский голос снизу.

В ответ раздался грохот, звон стекла и металла, перемешанный с хрустом досок и, возможно, костей. Заботливая мать ринулась на второй этаж, забыв обо всём на свете, выхватив из печи ухват, на всякий случай. Её взгляд устремился в библиотеку: чугунные латы пытались двигаться, издавая обиженный рёв и нецензурное бормотание. Двуручный меч торчал из старого семейного зеркала, вернее из его оправы, проткнув заднюю стенку, и слегка покачивался вместе с ней. Илenea сделала шаг вперёд, рассматривая чугунную фигуру, но тут же отскочила назад, освобождая место остаткам зеркала и торчащему мечу.

– Мама, – раскатилось эхом по чугунной голове.

Мать не знала, что делать: ругать сына за порчу семейных ценностей, за треснувший пол, или снять с него шлем, спросить, не ушибся ли он, и помочь подняться на ноги, сняв перед этим с него часть обмундирования.

Она выбрала последнее. Виноватые глаза смотрели на неё,

чаруя своей правдоподобностью. Голова опустилась вниз, позволяя длинным волосам закрыть половину лица, а руки сомкнулись на причинном месте. Он очень напоминал нашкодившего котёнка, ждущего определённой реакции хозяйина.

– Фёдор, я очень люблю тебя, как сына, но когда ты поумнеешь? Зачем ты надел доспехи прадедушки, ты же знал, что они очень тяжёлые, и ты не сможешь их носить?

Как ты умудрился их одеть?

– Папа всегда говорил, что сила у меня в крови...

– Папа, ты бы маму хоть раз послушал. В любом случае, у тебя есть свои доспехи. Если хочешь тренироваться, одевай их и иди в сад, хоть чем-нибудь займёшься. Заодно сходи на рынок, купи новых досок на пол.

– И тапки!

– Зачем тапки, Дуся опять надула на старые? Стерва, а не кошка! Иди, убери доспехи и спускайся на кухню, я буду там.

– Угу.

– Потом схожу к Нестору, скажу, что зеркало опять разбито.

Она ушла, а Федя задумчиво смотрел ей вслед, думая, что ещё могло бы пригодиться в хозяйстве, и сколько лишних монет можно на это накинуть. Он очень любил ходить по рынку, отлично умел торговаться. Конечно, в основном на прилавках лежало всякое барахло и хозяйственные штучки, торговали стройматериалами (покупали у них только зажиточные или обленившиеся мужики, ну или очень занятые люди, как его отец).

Арион был членом различных гильдий, общался с местными магами, пытаясь ещё глубже спуститься в древние знания. Иногда сам король давал ему задания, также и некоторые, с которыми не мог справиться королевский маг, – смешной и толстый старичок. Ведьмак никогда не посвящал сына в свои тайны, потому как даже основы магии тому давались с трудом. Он всегда понятиливо кивал и был отличным теоретиком, но как только дело доходило до практики, всегда происходило что-нибудь из ряда вон выходящее. Когда отец попросил его зажечь костёр силой мысли, он с блеском справился с заданием, заставив дымиться папины подмышки. Недоразумений было столько, что многострадальный папа решил оставить свои тщетные попытки обучения (себе дороже). Он всегда успокаивал сынишку, видя его поник-

шую голову и полные вины глаза, но знал, что этот оболтус ни на что не годиться, и вряд ли из него выйдет достойный ведьмак...

Федя уже шёл по рынку, бросая алчущие взгляды на красивые безделушки, Мама дала сорок медяков и одну серебряную монету. Новые доски и тапочки выливались в серебро. Но он убедил маму в том, что необходимо обзавестись парой валенок и новой кружкой... Мать была очень удивлена, когда услышала, что ей нужна ещё и новая скалка, потому что по старой пробежала трещинка, но денег дала. Молодой авантюрист надеялся разменять серебро на семьдесят медяков и значительно сбить цену на покупки, оставив немного себе. Так, здесь продают валенки. Юноша вклинился в толпу и отчетливо произнёс:

– Сколько стоят валенки моего размера?

– На все размеры цена одинаковая, – ответил продавец.

– А можно померить?

– Конечно, проходите. У вас с собой чистые портянки?

– Да, – сдавленно произнес Фёдор. Толпа послушно расступилась и пропустила его.

– Какой размер?

– Не знаю, а какие есть?

– С первого по двенадцатый,— сдержанно произнёс продавец.

– Давайте десятый,— Фёдор отличался большим размером стопы. К его ногам аккуратно упали валенки десятого размера. Он неторопливо присел на табурет, снял сапоги, которые уговорила надеть мать, достал портянки и начал медленно наматывать их на ноги.

– Так какая цена?— начал ведьмак.

– Сорок медяков,— донёсся невозмутимый ответ, Федя чуть заметно сглотнул слюну, но понимающе кивнул головой.

– Дороговато,— произнёс он, продолжая наматывать портянки.

– Очень справедливая цена, всех устраивает.

– Возможно,— наконец, он начал вяло залазить в валенки.

– Юноша, вы бы могли немного ускориться, я тоже хочу померить валенки, -донеслось из толпы.

– И я!

– И я...

Невозмутимый покупатель надел валенки и лениво встал, переминаясь с ноги на ногу, под взглядом умоляющего продавца.

– Ну, как, размер подходит?

– Не знаю, в пятке давит, пальцам неуютно, У вас есть на пол размера больше?

– Не бывает, – прозвучал голос, почувствовавший издевательство.

– Ну, давайте одиннадцатый.

Фёдор взял протянутые валенки и начал пристально их рассматривать, крутя вокруг своей оси, залезая руками внутрь и проскребывая ногтём снаружи. Очередь становилась всё больше, купец заплывал багряным румянцем, нерв-

но копаясь в бороде. Он наклонился к парню и прошипел на ухо:

– Либо покупай, либо проваливай, пока цел.

– Спасибо,— ответил тот, надевая валенки, — эти в самый раз. Беру за пятнадцать медных.

– Сорок, и не меньше.

Услышав это, Федя молниеносно снял обувь и начал указывать на ряд самых удивительных браков с неповторимым возмущением. Очередь начала редеть.

– Ладно, бери за двадцать,— не выдержал торговец.

– Семнадцать!

Бородатое лицо покраснело от злости и нервно задёргалось, но ничего не ответило, молча смотря на то, как стоящий напротив отсчитывал ровно семнадцать медных монет. (конечно, это не мастерство торговли, просто все хорошо знали Ариона, отца Феде, и связываться с ним не хотелось,— себе дороже) Толпа пропустила авантюриста и он, довольный собой, пошёл дальше, гордо запрокинув голову и неся обновку подмышкой. Вальяжные шаги проносили его по

рынку, то замедляя, то ускоряя ход. Людей было достаточно много и иногда приходилось уклоняться от не очень вежливых плеч. Казалось тут было всё: и рубахи, и кожа, и обувь, и доспехи, мечи, украшения, посуда... посуда.

– Дайте мне вон ту кружечку пожалуйста. Сколько? Один медяк... ага... вот... спасибо.

Теперь можно идти дальше. Сколько же красивых девиц проплывает перед глазами! И все такие особенные... но они никогда не сравнятся с той, что снится уже так давно..

Федя взгрустнул и опустил голову, не заметив, как приближается к чему-то толстому, низкому и бородатому, одетому в чёрную рясу. Когда он поднял глаза, пухлое лицо уже почти вплотную приблизилось к нему и с детской улыбкой сверкало умиротворяющим взглядом. Изафон соединил ладони на уровне груди и начал:

– Здравствуй, раб божий, Господь смотрит на нас и...

– Сам ты раб!– огрызнулся Федя, не дав попу закончить, и чуть не сбил с ног, проносясь вперёд в миллиметре от него.

– Хм, раб,– бормотал под нос ведьмак, не сбавляя ход,– этот колобок назвал меня рабом! Да кто он вообще такой?

Пришёл из ниоткуда, стучит в колокола – с петухами переговаривается... Станный он какой-то. Точно странный...

Федя думал ещё долго. Купил и скалку, и тапки, и совсем не торговался. Разменял серебряную монету, – в кармане стало на семьдесят медяков больше, и того – семьдесят... семьдесят... ровно. Смутные чувства пробрались к нему в душу, но вскоре он успокоился, – в любом случае осталось бы всего на десять больше. Можно хорошенько сторговаться на досках. Предвкушающие глаза продолжали носиться по рынку, разглядывая девичьи прелести через одежду. Этому фокусу он всё-таки научился, и это у него хорошо получалось. Благо рубаха была достаточно широкой и одетой на выпуск. Где же ты милая, где же ты, где? Слегка покраснев, он начал искать знакомое лицо, что никак не давало ему покоя. После многократных попыток был сделан вывод, что если эта девушка и есть где-нибудь, то точно не в этом городе.

Примерно через час Фёдор закончил с покупками и, согнувшись в три погибели, тащил их к дому (доски были очень тяжёлыми). По пути он умудрялся осматривать окрестности. Только не это! – с другого конца площади, раскидывая толпу, неслась упитанная, рыжая девица с взглядом хищника, устремлённым прямо на него. Бюст характерно парил в воздухе. Ведьмак понял, что деваться ему некуда.

– Здравствуй Кира,— начал он.

– Привет, Федечка,— молвила деваха, приблизившись, и расплылась в улыбке, любуясь молодым красавцем. Мгновением позже она приняла озабоченный вид и продолжила,— Да что же это я? Федечка, тебе, наверное, тяжело, давай помогу, дай мне эти доски!

Федя пытался возразить, но понял, что это бессмысленно, после того как Кира одной рукой выхватила у него стройматериал и закинула на плечо с невозмутимым и довольным видом. Её сверкающая улыбка расплзлась по всему не подетски (ярко и обильно) накрашенному лицу, а глаза горели неопределённой надеждой. Она взяла юношу под руку и повела в противоположенном от дома направлении, то и дело заглядывая ему в глаза, и совершенно не обращая внимания на прохожих, которые обходили их стороной, уклоняясь от описывающих зигзаги досок.

– Тебя так давно не было видно,— сообщила она,— я повсюду искала тебя, у тебя были какие-нибудь срочные дела? Зловещие упыри или болотные чудовища...

– Нет, ты же знаешь, никакая нечисть уже не водится в наших краях.

– Значит, ты, наверное, учился магии у своего отца?

– Это в прошлом.

– Как в прошлом? Федечка, неужели ты не хочешь продолжить фамильное дело?

– Хочу... не в этом дело.

– Ну, да ладно. Ой, что у нас случилось в пивоварне! Ты не поверишь! Мужики корову напоили, так она взбесилась и давай носиться. Два часа за ней бегали, не могли поймать. Всё перевернула, всё поломала, – девушка с досадой помотала головой, – Игнат еле спасся, – она его проткнуть пыталась, а он ей на шею запрыгнул. Так и трясся там, пока на бочки не свалился, все бока отшиб, бедняга.

– Поймали?

– Кого?

– Корову, поймали?

– Да, она протрезвела, так и успокоилась, заснула. Так её подоили потом, молоко белое, а вкус как у пива, и пьянит также. Мужики на этом денег заработать хотят. Мол жёлтое

пиво было, чёрное – было, даже красное есть, а вот белого отродясь никто не видал. Эксклюзив! К нам в пивоварню со всего света тянуться будут!

– Белое пиво, оригинально, конечно, – подыгрывал Фёдр, – идея свежая и актуальная.

– Так и я о том же! Построим трактир прямо рядом с пивоварней. Сотни, нет, тысячи, миллионы людей будут приходить пить наше пиво!

– Эдакой трактир, большой нужен.

– Так будет! Сначала поменьше построим, а потом, окупится, прибыль будет, так мы его достроим до подходящих размеров.

– А сколько коров нужно перепоить...

– Так мы ферму откроем, коров развести не проблема.

– Так они пьяные носиться будут, поломают всё.

– Не будут, это у нас только Марфочка такая попалась, шибко буйная.

– А доить, кто будет?

– Я буду, подружек привлеку, ну, может, наймём кого-нибудь...

– Ясно, успеха!

– Федя, а ты помнишь, что мне обещал?

Кира была дочкой пивовара Клауса, который вёл тесную дружбу с Арионом. Два года назад у неё открылись необычные чувства к сыну знатного ведьмака. Сначала её привлекала внешность: стройный стан, накаченное тело, длинные тёмные волосы, нос с лёгкой горбинкой, выразительный взгляд. На лицо он был милашка. Но больше всего поклонницу восхищала та необычная гармония, с которой все части того самого лица сливались воедино. Она наблюдала за ним, но не решалась подойти и заговорить, боясь не понравиться, да и просто выглядеть глупо. Её пытливый взгляд не упускал ни одной мелочи. С самого утра он фиксировал, как Фёдор открывает ставни, как его тень мелькает в глубинах фамильного особняка, как он выходит на улицу и ветер играет с густыми локонами на его голове, как он общается с друзьями, ходит на рынок за покупками, возвращается домой. Юная разведчица видела всё и заставляла его в самые неподходящие моменты. Бывало, что ведьмак не доносил до дома содержи-

мое мочевого пузыря и опустошал его по дороге. Были моменты, когда он, полностью уверенный в том, что находится в полном одиночестве, дрался с вымышленными упырями, дурачился, кривлялся, делал самые разные глупости, о некоторых из них и он сам не отважился бы вспомнить. Кира видела всё, и чем больше она видела, тем больше влюблялась в этого дурашливого и смешного мальчишку, обладающего столь привлекательной внешностью и необычной радостью во всех своих поступках.

Однажды её возлюбленный пошёл с друзьями в глубь леса. Цель была вполне обычной: поймать пару зайцев и тут же приготовить их на обжигающих языках пламени. Ребята принесли с собой очень крепкое тёмное пиво. Федя отнекивался, но затем отважился и попробовал,— вкус как у старого кваса, но с лёгкой горчинкой. Ему понравилось.

Один из его друзей был братом Киры, и он совсем забыл сказать, что пригласил и свою сестрёнку, которая опоздает на пару часов. Девушка была необычайно счастлива, когда услышала приглашение, и ещё больше, когда узнала, кто уже приглашён. Сначала она отказалась, волнение забралось так глубоко в душу, что страх стал очевиден. Но позже всё-таки решилась.

Когда рыжая красавица подошла к поляне, на которой и

должно было состояться намеченное, она застала молодого ведьмака в не очень трезвом состоянии: Он смешно и напряжённо говорил, открывая товарищам самые потаённые секреты, и размышляя о смысле жизни. Им овладела слабая икота, руки и ноги стали не очень послушными. Юноша сидел на бревне и покачивался в разные стороны, норовя свалиться на землю. Два зайца всё-таки были пойманы, и один из них уже дымился на вертеле, сверкая обнажёнными зубами на ушастой голове, болтавшейся на поясе у Баэра. Девушка поняла, какие перспективы открываются перед ней. Поправив груди и причесав брови кончиками пальцев, она плавно направилась к ничего не ожидающему Фёдору и пустила вход все свои женские чары, на которые она была способна. Он утонул в её груди, познав всю, роскошь пышного тела, услышал много приятных слов, увидел всю вульгарность, на которую способна дорвавшаяся барышня, почувствовал влажность её рта и согласился во всём, что вырвалось из уст прекрасной девы. Ошарашенные друзья так и сидели, разинув рты, с широко открытыми глазами.

На утро Федя смутно вспоминал, что произошло, и почему он лежит не в своей постели. Не теряя драгоценного времени, он вскарабкался на подоконник, собравшись прыгнуть на толстую ветку могучего дуба. Но ворвавшаяся в комнату Кира, спешившая принести горячий завтрак своему возлюбленному, обманула надежду беглеца, и он сорвался вниз,

упав в кусты и расцарапав все бока. Со слезами на глазах девушка смотрела вслѣд улепѣтывающему парню, который чрезвычайно быстро скрывался за горизонтом, бормоча что-то себе под нос.

С тех пор девица каждый день навещала Фѣдора и проводила с ним большую часть своего времени, постоянно напоминая, что он обещал на ней жениться. Тот в свою очередь, как-то жалобно скулил и строил умоляющие глазки, на что Кира совсем не реагировала и озвучивала грандиозность намечающейся свадьбы. Именно тогда ведьмак решил обратиться к своей памяти, вспоминая все подходящие заклинания, которым когда-то учил его отец. Ничего не обнаружив он, отважился заглянуть в фамильную библиотеку, где и нашѣл подходящий фокус. Заклинание маскировки действовало только на рыжую толстушку и её родственников и имело срок в две недели. Таким образом, невеста не видела жениха уже длительное время, но неопытный колдун совсем забыл наложить заклятие ещё раз, за что и поплатился.

Весь день Кира таскала Федю из одного конца города в другой, рассказывая о всяких глупостях, и с лёгкостью уклонялась тщетные попытки юноши забрать свои доски. Не поддавалась изощренным уловкам и хитростям, чѣтко распланировав день. Он пришѣл домой только поздним вечером в сопровождении очаровательной болтушки, та проводила его

до дверей и даже зашла с ним внутрь и починила пол в библиотеке, чем заслужила искреннюю благодарность Иленеи, которая тоже стала оповещена о намечающейся свадьбе. Но, наконец, список намеченных действий в её плане закончился, и она удалилась к себе домой, перед уходом объявив о чётком дне намеченного мероприятия, до которого оставалось ровно две недели.

– Интересная у тебя невеста,— с улыбкой сказала мать, — красится не в меру, а в остальном...

– Мама!— завыл Федя обиженным голосом, после чего развернулся и пошёл в свою комнату, тщательно перебирая мысли.

Дуся, это ласковое и вредное создание лежало на его кровати, свернувшись в клубок. Ей овладевал сон, ведьмак застыл, любуясь. Кончик уха слегка подёргивался, как будто что-то стряхивая. Доносилось чуть слышное сопение. Вдруг она перевернулась на спину, растопылив лапки, потянулась, протяжно зевнула, открыла узкие глазки и уставилась на хозяина. Тот в свою очередь, подошёл к ней и немного потрепал шерсть, после чего кошка спрыгнула на пол и важно вышла из комнаты. Фёдор попробовал наложить маскирующее заклятие, но обнаружил препятствие. Блок! И именно на это заклинание! Неужели Кира... но это невозможно! Да-

же эта рыжая неряха обходила юношу в колдовском искусстве. Странно...

Он сел на кровать и начал судорожно теребить виски, находя подходящие мысли. Где Кира могла научиться магии, да так, что поставила блок, незаметно от него? Непонятно. В любом случае, бедолага был в безвыходном положении. Женится! Нет, он не хотел этого. С другой стороны, Лицо у неё было достаточно милое, без макияжа, конечно. Высокий рост и пышные формы – тоже плюс. Есть за что подержаться, богатырская сила и богатырская любовь. Мозги, даже мозги есть. Безусловно, включаются они только в особые моменты, но всё же...

Нет, он не мог так рано сгубить свою жизнь и залезть под каблук дочери пивовара! Нужно было что-то предпринять, но что? Как достойно выйти из сложившейся ситуации? Показать себя с худшей стороны? Кира рассказала, что наблюдала за ним, и вряд ли бы это подействовало. Убить её? Нет, на это он пойти не мог. Хотя, разве кто-то обязывает его быть порядочным и верным мужем? Пока нет, но жена может стать настоящим тираном и едва не водить его на поводке, держать дома на цепи, боясь, что любимый муж сбежит от неё. Отец, надо попросить его наложить какое-нибудь закливание! Это должно сработать.

Федя успокоился и осмотрел комнату. Солнце уже село и яркий лунный свет бил в окно, звёзды стаей рассыпались по небосклону и мерцали в такт друг другу, удивляя своим количеством и яркостью. Как же они далеко. Возможно, людям никогда не добраться до них! А что за ними, вечность? Но вечность тоже имеет срок,— всего лишь плотное полотно переплетённых фантазий и миров. Там что-то другое, что-то, что не имеет конца! То, чего не существует, но то, откуда появляется всё: Каждая мысль, каждый вздох, каждый взгляд. Всё проживает свой срок, чтобы вернуться туда и слиться с тем, чего нет. Нет, потому что человек не способен это понять. Даже если каждая клетка его скудного мозга напряжётся до предела, если тысячу лет и тысячу зим человек будет думать над этим, он всё равно не сможет понять. Это слишком просто. Именно этим занимается бесконечная наука магии, она изучает саму жизнь, пытаясь понять несуществующее. Но как бы ни перестраивал маг своё мышление, по каким бы мирам ни летал, он никогда не сможет собрать всё в абсолют. Не сможет слиться с тем, чего нет, раньше срока. Все мы проживаем ровно столько жизней, на сколько согласились там...

Федя ещё долго думал, выводя новые теории, и вспоминая старые. Деревья, откидывающие тени в комнату, побуждаемые к движению ровным ласковым ветром, согласно кивали ему. Даже Дуся пришла поддержать своего хозяина и

с удовольствием читала мысли, изредка облизываясь и жмуря глазки. Она наблюдала за ведьмаком с ранних лет и была старой, мудрой кошкой, сохранившей резвость котёнка, знающей намного больше, чем он мог представить...

Пришло время закрыть ставни, раздеться и залезть под тёплое одело. Глаза закрылись сами, но мысли ещё долго плавным водоворотом кружились в голове, не давая снам овладеть человеком. К тому же урчал желудок, получивший пищу только утром, и нагло просящий ещё. Дуся запрыгнула на одеяло и свернулась калачиком в ногах. Пришло спокойствие, и страна снов поглотила уставшего юношу.

Утро было точно таким же, как и вчера: Снова пытливое солнце пробивалось через щели в ставнях, всё те же петухи старательно драли глотки. Фёдор снова призадумался об их странной судьбе, но сделал тот же вывод: умом их не понять. То ли они так рады восходящему солнцу, что оно вернулось, и пророчества древних петухов не сбылись, то ли специально действовали на нервы, то ли напоминали людям, о вредности чрезмерного отсутствия в жестокой реальности, и, конечно, не без их участия в ней. А может и ещё что-то. В любом случае, тянуло в сон, тем более что он снова никак не стремился к тому самому логическому завершению, которого так тщетно ожидал наивный мечтатель. Желудок снова заурчал, напомнив своему обладателю о важности срочного употребле-

ния пищи. Но вставать не хотелось. Тем не менее, желание плотно поесть очень быстро перебороло все остальные. Тапки были сухими и приятно пахли новой кожей, вредной кошки в комнате не было, и, в целом, день начинался не так уж плохо.

Родители сидели за столом, обсуждая свадьбу сына. Фёдор слышал часть их разговора и понял, что дела обстоят куда хуже, чем он думал. Беседа прервалась, мать встала из-за стола и положила в большую тарелку Феди целую запеченную курицу. Да, начало дня было определённо лучше, чем вчера. Он сел за стол и начал трапезу.

– Федосик,– промурлыкала мать,– почему ты не сказал нам о том, что женишься?

Молчание.

– Правда, Федь,– добавил отец.

– Всё вышло совершенно случайно,– насупившись, пробормотал жующий сынишка, отрывая вторую ногу у птицы,– я не думал, что всё зайдёт так далеко.

– Конечно, конечно,– подхватил старший ведьмак,– я всё понимаю. Мы с мамой тоже не думали, что поженимся, од-

нако уже двадцать лет вместе.

Федя поперхнулся, представляя долгие годы, прожитые с Кирой под одной крышей. Иленя похлопала его по спине, с любовью прищурив слегка подведённые глаза.

— Безусловно, это очень серьёзный шаг,— продолжал Арион,— нужно всё тщательно обдумать, взвесить все за и против. Хотя, всё относительно. Твой дедушка, например, женился на бабушке на второй день после знакомства,— и ничего. Всю жизнь бок о бок, не разлей вода. Даже умерли в один день в постели по известной причине. Любовь это штука такая...

— Паап.

— Да, я весь во внимании.

— Я сделал ошибку.

— Кто тебе доктор? Все мы грешные.

— Да, но именно по этой ошибке вы и считаете, что я женюсь на Кире. Вообще всё это большое недоразумение.

— Так ты не женишься?

– Нет, не женюсь, скорее, выйду замуж за этого тирана, если ты мне не поможешь, – сын жалобными глазами уставился на папу, сложив обмусоленные куриным жиром ладони вместе.

– Тирана? – удивился папа, – Почему?

– Ты её видел?

– Да. Симпатичная девушка: смышленная и деловитая. Сила у неё богатырская, тебе б такой!

– Пап, ты никак не поймёшь, я не хочу на ней жениться!

– А в чём дело?

– Просто однажды я проснулся у неё в постели и...

– Так у нас будет внучок, – прервала мать, – Федя, ты почему молчал?

У юноши внутри всё перевернулось. А что если Кира и вправду беременная. До сих пор он как-то и не вспоминал об этом возможном нюансе.

– Нет, Фёдор,— продолжила мать,— ты женишься на ней и точка. Или ты хочешь оставить её одну с ребёнком на руках?

Пропал аппетит, неужели это конец, женится? Он решительно встал из-за стола, поблагодарив Иленею за вкусный ужин, несмотря на то, что было утро, вытер руки об полотенце, оделся и вышел из дома. Надо пройтись, привести мысли в порядок. Значит срок – две недели. Интересно, можно ли на таком сроке узнать точно, беременна она или нет? Что если нет? А если да? Вот и ходи теперь гадай: да, нет, да, нет. Как всё сложно! Нелепая ситуация. Да и не скажешь сразу, кто виноват. Но что же делать? Как, как обхитрить судьбу?

Мысли, мысли, мысли! Они не давали покоя заложнику глупой ситуации. Он не заметил, как вышел на луг, достаточно просторный, чтобы идти не менее часа, добираясь до редкого смешанного леса, который тонкой полосой виднелся впереди за небольшой речушкой. Роса блестела на траве, доживая последние минуты, так как солнце было уже достаточно высоко, но настойчиво обнимала сапоги, которые, кстати, уже повидали виды и были готовы в любой момент закончить своё жалкое существование. Вода сочилась через дырки, даря прохладу босым смирившимся ногам. Надоедливые кузнечики то и дело переговаривались друг с другом, но не мешали мучительным думам, в отличие от слепней, которые иногда садились то на шею, то на спину, то ещё куда-нибудь,

заставляя отвлекаться и бить себя ладонями.

Вскоре луг был преодолён. Старый мост, перекинутый через реку, был достаточно хлипким, но Федя с лёгкостью преодолел и его, направляясь в глубины знакомого леса. Не так давно он приметил здесь старый раскидистый клён и построил на его ветвях небольшой домик. Он служил юноше, как тайное убежище, в котором его никто не мог найти, даже Кира. Она не раз ходила за ним, пытаясь узнать, где пропал молодой ведьмак так подолгу, но трудно не заметить упитанную рыжеволосую девуцу на столь просторном лугу.

Вот и клён. За многочисленными листьями совсем не было видно необычного сооружения, к которому ловко пробирався его хозяин. Здесь была всего одна, но достаточно просторная комната, сложенная из досок, имеющая дверь и маленькое окошко. Фёдор лёг на пол, закинув руки за голову и широко раздвинув ноги. В двери появился знакомый силуэт, — шустрая рыжая белка, несущая в зубах кедровый орешек. Под потолком для неё тоже сколочен маленький домик. Он был идеальных размеров для зверька, который уже успел его достаточно обжить, натаскать мха и запастись провизией. Мордочка вопросительно смотрела на человека. На его лице появилась улыбка, и был сделан пригласительный жест, после чего силуэт продолжил своё движение, бесшумно забрался по льняной верёвке в своё жильё, положил орешек и

одним прыжком отправился за следующим.

Природа. Пение птиц то и дело доносилось до ушей, ча-
руя и успокаивая. Надоедливые мысли покинули измучен-
ную голову, сменившись тёплыми и приятными. Местами
солнце пробивалось через густую листву, бросая любопыт-
ный взгляд за стены уютного домика, вернее комнатки. Лёг-
кий ветер проносился по лесу, не в первый раз пересчиты-
вая листья, натыкаясь на локоны длинных волос, нежно пе-
ребирая их и удивлённо двигаясь дальше. На полу лежала
когда-то принесённая сюда книжка весьма интимного содер-
жания,— любовный роман, чрезмерно насыщенный самыми
откровенными картинками. Рядом лежала другая, забытая и
нетронутая. Название гласило: основы ведьмовского реме-
сла. Руки потянулись к ней.

Первые страницы напоминали руководство для молодого
скаута, дальше шло подробное описание всевозможной
нечисти, явно составленное опытным, но очень впечатли-
тельным ведьмаком. Вампиры, личи, оборотни и душеглоты,
болотные сердцееды, бронтозябры и многие другие. Все бы-
ли описаны так ярко и оживляюще, что становилось страш-
но, и подкрадывалось ощущение того, что они где-то ря-
дом. Получились неплохие страшилки, которые вполне мо-
гут рассказывать за костром матёрые скауты. Художник, ко-
торый рисовал картинки, явно очень старался,— повсюду

кровь и внутренности, невероятно большие зубы, злорадный смех ликующих чудищ и панический страх на лицах жертв. Но всё-таки чем-то это напоминало детские рисунки. Затем следовали методы противостояния, с которыми бы с блеском справились те же скауты, но только самые отважные и смелые.

Федя отложил произведение искусства в сторону и снова закинул руки под голову. Глаза закрылись, потянуло в сон.

Горы. Колоссальных размеров замок расстилается по ним. Полчища воодушевленных урков идут на штурм. Ведьмак в белой рясе с белым посохом в руке. Седые волосы падают на плечи.

– Гендальф, Гендальф,– кричит писклявым голосом какой-то мальчишка с огромными волосатыми стопами, – что будем делать?

– Доверься мне,– отвечал старый маг,– мы умрём в этом неравном бою, но умрём с честью.

Он поднялся в воздух, чтобы разглядеть врага. Прямо по горизонту, продираясь через облака, летело что-то страшное и непонятное: тело виверны с татуировкой на плече, изображающей Киру во всей своей красе, всадником на спи-

не, без лица, в чёрных доспехах. Голова этого нечто скрывалась за шлемом солидных размеров, больше напоминающим кастрюлю с приваренной сковородкой. Посох Фёдора засветился и изрыгнул мощный силовой заряд, летящий прямо в неизвестное чудо. Он попал в ту самую кастрюлю, которая, свалившись, обнажила морду зверя. Нет, это лицо... лицо Изафона.

Юноша проснулся, вскочив на ноги и тряся головой. Ну и сон. Поп. Странно... с чего бы это? Татуировка Киры ещё хоть как-то объяснима, но причём здесь Поп? Юноша терялся в догадках.

Уже темнело и нужно было возвращаться домой. Он слез с дерева и побрёл в город, размышляя о приснившемся. Рыжая белка провожала его взглядом, неподвижно затаив чёрные бусинки. Она была очень признательна за милый домик и ей, действительно, нравился этот странный и необычный человек. От него исходило тепло, тепло которое редко встречалось среди людей. Когда фигура исчезла за горизонтом, зверёк запрыгнул обратно в домик и бросил внутрь ещё один орешек, который, до сих пор держал в маленьких ручках. Знакомая кошка появилась в дверном проёме и вопросительно посмотрела на белку. Та кивнула и спустилась к ней.

На кухне сидел пивовар и обсуждал с родителями жениха все тонкости скорого торжества. Рядом сидела и Кира, мечтательно прищулив глазки и довольно улыбаясь во все тридцать два зуба. Слава тем, кто придумал окна, так как эту картину Федя увидел через окно и сделал финт ушами, забравшись в свою комнату опять-таки через окно. Грязные сапоги он оставил у подоконника, чтобы не разнести грязь по всей комнате. На тумбочке, послушно стоявшей у кровати, лежало три кедровых орешка. Интересно откуда? Усталое тело бесшумно упало на кровать, пальцы взяли один орех и медленно покрутили в разные стороны, давая задумчивым глазам тщательно рассмотреть его. Ничего особенного. Через мгновение он переместился в открытый рот, а крепкие зубы тщательно, но медленно, дабы не было слышно за дверью, пережевали поступившую пищу, которая тут же отправилась в желудок. В голове отчётливо прозвучал приятный мелодичный голос, напев только одно слово: осторожно.

— Кто здесь?— выпалил испуганный Фёдор. Конечно, на кухне это услышали и через мгновение в дверях стояла мать.

— Ты где был весь день?— спросила она,— Кира беспокоится, места себе не находит.

— А по-моему она сидит на кухне с довольной улыбкой во

весь рот.

– Да, но она очень взволнована, это нервное,— пыталась убедить Иленю,— она так переживает, что напряжённые нервы заставляют мышцы на лице складываться в улыбку.

– Угу.

– Пойдём, посидишь с нами за столом, поцелуешь невесту, поздороваяешься с будущим тестем...

– Спасибо, я здесь полежу.

– Полно тебе,— выпалила рассерженная мать, стягивая с кровати ведьмака. Тот сначала упрямился, но после сдался и пошёл в сопровождении к столу.

– Федечка!— Вскрикнула невеста, вскакивая со стула и бросаясь на шею к бедному парню, попутно целуя его в нос, лоб и всё остальное,— вернулся, милый, да где ж ты был весь день?

– Отдыхал.

– Устал, наверное, отдыхать то?

– Да, очень. Пожалуй, пойду: сменю усталость бодрящим сном.

– Так мы тебе чая нальём бодрящего.

Деваться было некуда, Федя сел за стол и принял из рук Иленей кружку с травяным настоем. Родственники пытливым взглядом смотрели за тем, как он делает глоток.

– Вот видишь,— вступил отец,— уже полегчало.

– Да,— последовал ответ,— чувствую силушку богатырскую, готов горы свернуть да реки вспять повернуть.

– Ты бы пивка моего отвеживал,— пробасил пивовар,— так ты бы ещё и луну с неба достал.

– Спасибо, уже отведал, тёмного, забористого. До сих пор жалею.

– Когда это ты успел?

– Да было дело, теперь вот свадьба намечается.

– Чего?— промычали все, кроме Киры.

– Да это он так,– поспешила та,– подшучивает.

– Ничего не подшучиваю. Наклюкался я, а она меня врас-
плох взяла.

– Ага,– проревел будущий тесть, наклонившись над юношей и заглядывая ему в глаза,– как по пьяни детей строгать, это запросто! А как за свои поступки отвечать, так кишка тонка!

– Полно тебе, пап,– попыталась заступиться дочь,– он не...

– Молчи, дурёха! Вот, что я тебе скажу, молодой человек: либо ты женишься на моей прекрасной дочери, либо попадёшь в тюрьму за изнасилование. Пойдём Кира, время позднее.

Пивовар с дочкой встали из-за стола и пошли в коридор, Федины родители пошли их провожать, а он так и остался сидеть с отвисшей челюстью, сверкая округлёнными глазами. Ну и дела...

Арион и Иленя вернулись.

– Мам, пап, но я...

— Молчи, Фёдор, ты и так достаточно посрамил нашу фамилию,— громом пронёсся ответ в два голоса.

Что за... в один миг испортить жизнь! А ещё говорят, что судьбы нет. Отрезком времени, равным горению искры она расставила точки над и, гнусаво смеясь за спиной и сверкая ликующим взглядом. Разве так бывает? Жестокая реальность снова обрушилась на плечи ведьмака со всей своей присущей жестокостью и твёрдостью, не оставляя ни единого шанса на спасение.

Он лежал на кровати, смотря на чарующую луну томным взглядом без какой-либо радости или восторга. Дуся понимающе смотрела на него сожаляющим взглядом, разделяя горечь и безысходность. А может всё не так плохо? Чего ужасного в жене-тиране? В конце концов, она его любит. Любит богатырской любовью, встречающейся так редко на этой земле. А любовь ли это, или просто одна из разновидностей маразма? Он даже не знал точно, было ли что-нибудь в ту ночь. Чисто теоретически, если он был настолько пьян, то у него бы попросту не хватило той самой мужской силы, что необходима в данной ситуации. Но практически, могло случиться что угодно. Вот и терзай себя вопросами, размышляя о неизвестном. Кира знает наверняка, но она вряд ли признается.

Сострадающая кошка всё смотрела на хозяина. Его взгляд снова нацелился на два оставшихся орешка, и он потратил по назначению один из них.

— Город,— раздался в голове тот же мелодичный голос. На этот раз Федя не испугался, наоборот, с интересом съел ещё один орешек,— Опасность.

Непонятно. Осторожно, город, опасность. Город в опасности? Но что с ним может случиться? Внезапное нападение зловещих упырей? Вряд ли. Война? Но тогда в опасности был бы не только город, а вся страна. Что ему угрожает и чьи это слова? Ведь кто-то подкинул эти орехи. Кто-то хочет о чём-то предупредить, но кто? Отец? На него это не похоже. Кто же тогда, Кира? Но она бы сказала об этом в открытую, причём всем, а не одному человеку. Кто ещё владеет колдовским искусством? Почему их подкинули не кому-нибудь ещё. Может, это просто чья-то шутка?

Казалось, что Дуся улыбалась. Конечно, она знала ответ и знала о надвигающейся опасности. Знала, но не могла сказать.

Глава вторая – свадьба

Все готовились к намечающемуся обряду, о котором уже знал весь город. Оставалось три дня. Три дня свободной жизни. Федя наслаждался каждым моментом, каждой минутой последних дней. Кира настояла на том, чтобы свадьба проходила по церковным обрядам (она уже давно ходила в церковь и полностью приняла новую религию), но никто не был против, а жениха и вовсе не спросили. Конечно, его это очень обижало, тем более, что всё должно было происходить по законам абсолютно незнакомого для него верования. Но выбора не было. Он уже смирился с неизбежностью.

– Стерпится, слюбится,– поговаривала мать,– вот увидишь, души в ней чаять не будешь. Она хорошая хозяйка, всё умеет, в отличие от тебя. Жена из неё выйдет заботливая и надёжная. К тому же, женишься, так, может, поумнееешь, дела появятся, по улицам шататься не будешь. А нет, так с детьми понянчишься. Да и вообще, очень выгодный брак!

– Именно, что брак,– каждый раз отвечал сын, но мама продолжала, не обращая на это внимания:

– Имеет пивоварню с солидным доходом. Особенно это, белое пиво, уже начинает пользоваться большим спросом. Авось и ты научишься дела вести. Откроешь постоянный двор, расширишь хозяйство. Сколько людей будет стекаться в наш город! Ты только подумай, Федь. Но не забывайте о благотворительности. Можно церковь отстроить побольше, да покрасивее, чтобы людей привлекало.

Иленя стала мечтать ещё больше Киры, которая с упорством оживляла свои планы вместе с отцом – Клаусом и двумя братьями, – Раеном и Салемом. Большую часть времени ведьмак отсиживался дома, Но не в фамильном особняке, а в своём маленьком домике на раскидистых ветвях клёна. Ходил по лесу, любуясь природой, перетирал мысли, и, даже, начал осваивать азы магии, читая толстые книжки и изредка практикуясь, но на практике ничего не получалось. Рыжая белка с иронией наблюдала за ним и изредка покачивала головой, зная, что никакие книги не помогут юноше, так как не в книгах скрывается магия. Круглолицый поп всё чаще появлялся в домах будущих молодожёнов, сверкая золотыми зубами и предвкушая все прелести намеченной церемонии. Он продолжал обзывать рабами, что очень раздражало. Иногда хотелось выкинуть его на улицу или вообще переселить в курятник, где, как считал Федя, ему самое место. Но остальные старательно внимали его речам, удивляя восхищёнными взглядами. Вот только Ариона изредка передёр-

гивало, а в глазах виднелось недоверие и ирония. Ирония, потому что, к сожалению, он не мог пойти против воли любимой жены.

Как-то раз Жениху сказали, что он должен выбрать свидетеля. Баэр с радостью согласился и сказал, что оправдает все возложенные на него надежды...

Ведьмак сидел на берегу реки, разглядывая её жителей. Солнце стояло над головой и настойчиво жарило оголенные плечи. Освежится? Почему бы и нет? Штаны упали на землю, и тело скрылось под водой, распугивая рыбу. Как приятно упасть в освежающую прохладную воду на раскате жаркого и душного дня! Через минуту на поверхности появилась мокрая знакомая голова. В волосах запуталась какая-то маленькая рыбёшка и отчаянно пыталась выбраться из случайного плена, что у неё всё-таки получилось, и она шустро поплыла подальше от печального места. По телу изредка скользило многочисленное население, вызывая лёгкую щекотку и улыбку на лице. Лёгкое течение немного тянуло за собой, но не принуждая, а, скорее, спрашивая. На дне виднелись камни и редкие водоросли, которые тоже щекотали ноги. Где-то в глубинах подсознания рождалась мелодия, лёгкая и тихая, пронизывающая весь мозг спокойствием и умиротворением, которого так не хватало в последнее время. Тело расслабилось и легло звёздочкой, подчиняясь ласковому течению. За-

тем снова напряглось и поплыло обратно, так же, лёжа на спине, но слегка перебирая ногами, что позволяло двигаться медленно, почти оставаясь на месте, без лишних движений, позволяя палящим лучам солнца испарять воду с намокшего тела и оставлять нежные следы загара.

Шум и гам зазвучали где-то за горизонтом, пока ещё тихо, но с явно нарастающей громкостью. Фёдор открыл глаза и посмотрел в сторону, откуда доносились звуки, прервавшие его покой. О нет! Толпа озорных мальчуганов неслась к реке, попутно размахивая руками, сжимающими снятые рубахи. Федя приготовился нырнуть, чтобы не стать жертвой многочисленных брызг. Ребяшня как один остановилась у самого берега, вгляделась в незнакомца. Узнав знакомые черты лица, продолжила движение, попутно снимая с себя одежду и один за другим прыгая в воду. Ведьмак тем временем затаился на дне, зажав нос, смотря вверх и наблюдая за приземляющимися бомбами, последующими фейерверками из брызг, которые не могли не восхищать своим обилием и причудливыми узорами. Воздух в лёгких закончился, и он снова вынырнул на поверхность. Ненадолго, потому как нашествие ещё не закончилось.

Находиться в воде было невозможно, так как счастливые дети плескались друг в друга, дурачились, играли, то и дело цепляя Фёдора и приводя в панику рыбу. Он вылез из воды и

сел на берег, закинул волосы назад, вытер руками лицо и начал наблюдать за сорванцами. До ушей доносились и восторженные крики и благой мат, летали надутые бычьи пузыри. Кто-то додумался швыряться случайно пойманной рыбой, а кто-то обиженно вылезал из воды и присоединялся к нему.

– Дядя ведьмак, – начал один из них, усевшись рядом, – а правда что вы можете один целую армию упырей убить?

– Правда, – мальчишка восторженно уставился прямо в глаза, очевидно, не ожидая услышать такого ответа.

– А если они будут опытными и подготовленными?

– А мне без разницы, опытный, не опытный, всё одно – упырь, – продолжал завирать Федя.

– Ну а что, если это не простые упыри, а сверхгиперпертуперупыри?

– Ты где такое слово выучил?

– Сам придумал, только что, а как, неплохо?

– Сойдёт. Ты знаешь, расскажу тебе одну историю про упыря, – Стёпа подвинулся поближе, а вместе с ним и осталь-

ные, что услышали произнесённые слова,— Был на свете один мужичок, бородатый и усатый. Он был очень весёлым и добрым пивоваром, дочка у него была,— рыжая толстая девица.

— Кажется, я знаю, про какого пивовара ты говоришь, — сообщил кто-то из ребят.

— Нет, это другой пивовар, всем пивоварам пивовар! И дочка у него такая, матёрая... вся в него!— продолжал Фёдор.

— А это не Кира?

— Нет, не Кира. Так вот, жил этот самый пивовар, не тузил, пиво варил, хозяйство наживал, дочку растил, звали его Лаврентий. Выросла дочка большая пребо́льшая, бочки с пивом носила, котлы мыла, в хозяйстве помогала. Силушка у неё была богатырская. Он любил дочь. Несмотря на её странные шутки и глупую речь. Но вот беда, по соседству жил упырь, злой и волосатый. Страшный такой упырь, а называли его Иванушка дурачок. Он абсолютно не вписывался в общество: думал не о тех вещах, занимался не теми делами. Отец его был самым настоящим вурдалаком, знатным и важным. Часто уезжал по своим вурдалачьим делам. Обучал сына, но тот, как не старался, никак не мог стать вурдалаком и оставался зловещим упырём. Конечно, папе это не нравилось.

Как-то раз дочь пивовара увидела юного неудачника, и он ей очень приглянулся, она посоветовалась с отцом и пришла к родителям упыря просить разрешения, чтобы посадить его на цепь у себя в комнате. Вурдалак посмотрел на оболтуса-сына и сказал: «Забирайте!» Отправился Иванушка дурачок вместе с рыжей барышней – Настенькой и Лаврентием к ним в дом на цепь садиться.

– А дальше что?

– Дальше? Сел упырь на цепь и начал жизнью собачьей жить. Настенька любовалась им и глаз свести не могла, подкармливала, сказки на ночь читала. Заботилась о нём, любовью богатырской любила. Но не мог Иван на цепи сидеть, всё за окно смотрел, а по ночам на луну совсем по-волчьи выл. Много времени так прошло. Ни день, ни два и не месяц, а, без малого, два года. Но как-то странно Ванечка преобращаться стал, ушки отросли не упыриные, а самые, что не наесть, волчьи. Хвост такой мохнатый вырос. Жажда свободы овладевала им, он ненавидел этот дом, ненавидел цепь, ненавидел Настю, ненавидел Лаврентия. Ненависть скапливалась в его некогда добром и мечтательном сердце.

Фёдор замолчал и помрачнел в лице.

– Ну а дальше, дальше?– Летело со всех сторон уже плотно обступившего его кольца мальчуганов, жаждущих услышать продолжение истории.

– Иванушка совсем потерял свои упыриныные черты и превратился в чёрного озлобленного волка, жалеющего о том, что вообще когда-то появился на свет.

– И всё,– заныли раздосадованные голоса.

– Нет, не всё. В одну ночь, когда все спали, он перегрыз свою цепь и убежал на волю, как ему хотелось думать. Но знатный вурдалак не спал той ночью, увидел дикого зверя, и, не узнав в нём сына, зарезал тупым ножом. На утро он принёс разделанное мясо в дом пивовара, и они пожарили хорошие отбивные. У них был знатный обед из очень вкусного мяса, хотя никто из них даже не подозревал, кого ест на самом деле.

– А как же Настя, она же его любила!

– А Настя была рада тому, что её ненаглядный упырь исчез. Потому что за долгие два года он успел ей надоесть, и она его разлюбила. Наоборот обзывала и ругалась, называла лодырём и алкоголиком, хотя сама держала его на цепи, а вместо воды наливала брагу.

– И как же, так всё и закончилось?– Сквозь слёзы выдавливала ребятня.

– Да, так и закончилось. Он же простой упырь, разве вам его жалко?

– Он хороший упырь,– выпалил один из сорванцов..

– Возможно,– ответил Федя, – Ну, да ладно, есть и другой конец истории.

– Расскажи.

– Расскажи.

– Дело было так. У того упыря была невеста. Она снилась ему во снах, но он никогда не видел её в жизни. Когда Вурдалак его зарезал, тем самым тупым ножом, он очутился в мире сновидений. Невеста уже ждала его и очень хорошо встретила. Они долго разговаривали друг с другом, так как это была их первая полноценная встреча. Счастье проникало в сердца, радость селилась в душах. Три дня и три ночи они провели вместе, разговаривая о разных мелочах, обсуждали строение космоса, вместе любовались звёздами, рассказывали о мирах, которые когда-то видели.

– И?

– Они просто разговаривали. Но вот упырю стало грустно, мир стал расплываться, стелясь прозрачной дымкой, и он увидел жизнь, ту самую, которой его так быстро лишили. Она кипела и бурлила, очаровывала и пленяла. Невеста поняла, что он хочет обратно. «Хочешь, я произнесу заклинание?», – спросила она, – «Всего несколько слов, которые вернут тебя туда. Ты снова почувствуешь ласку ветра, тепло дня и холод ночи, сможешь почувствовать вкус пищи, услышать пение птиц?» Иванушка молчал, не зная, что ответить. Тяжёлый выбор встал перед ним: жизнь или она. Та, которую он ждал так долго. «Обещай мне, что мы встретимся снова», – сказал он ей в ответ. Она пообещала и произнесла заветные слова очень сильного заклинания: я хочу, чтобы он жил! В тот же миг животы, насытившиеся его плотью, стали разрываться, освобождая её. Кости и внутренности поднялись из помойной ямы, пролитая кровь – из земли. И все они соединились вместе, образуя тело оживлённого упыря.

– И этим всё закончилось?

– А как же его невеста?

– Увидит он её когда-нибудь?

— Конечно. Вновь обретя тело, свободный и живой, он побрёл в старый дремучий лес, прочь от людей, потому что знал, что он иной, и что природа ему ближе. Упырь зашёл в самые дебри, за тридевять земель, туда, куда не ступала нога человека. Там он встретил многих зверей и подружился с ними, они принимали его как брата, делились едой и кровом. Иванушка был очень благодарен, и тоже помогал им во всём, в чём мог. Вскоре он понял, что люди намного глупее, жадность и алчность пеленой покрыли их глаза. Желание владеть и забирать заменило желание творить и делиться. Прихоть и удовольствия стали говорить им, что делать. Они забыли о том, что есть что-то ещё, помимо них самих. Они забыли, что всё в мире сливается в единое целое. Когда Ваня уже достаточно освоился и начал помогать строить новый мир, вернее восстанавливать старый, частичка которого сохранилась только в этом лесу, к нему спустилась Богиня леса, и он узнал в ней свою невесту. «Мы вместе будем возрождать забытое царство»,— сказала она ему, ведя в сторону известных людям краёв. И там где они касались ступнями земли, распускались цветы.

Федя обвёл задумчивых мальчишек любопытным взглядом и добавил:

— И жили они долго и счастливо.

– Я же говорил, что это хороший упырь,— выронил Стёпа.

– Да, хороший,— ответил ведьмак,— вот только в жизни хороших упырей не бывает. Если они вообще ещё остались.

– Остались,— вырвалось из уст какого-то мальчугана,— я точно знаю.

– Почему ты так думаешь?— удивился Фёдор.

– Просто знаю, чувство у меня такое, как оно, ентуиция что ли?

– Ентуиция,— убедил начинающий сказочник, весело улыбнувшись.

Сорванцы знали Фёдора. Как можно не знать сына знатного ведьмака? Но в этот день они его полюбили. До вечера он рассказывал им разные истории: и грустные и весёлые. Многое накипело у него внутри, просилось наружу. И сейчас выходило на поверхность в такой причудливой форме. Слова вылетали сами, цепляясь друг за друга, с лёгкостью складываясь в полноценные сюжеты. Позже разожгли костёр, наловили и пожарили рыбу. Мальчишки жадно поглощали пищу, тщательно сортируя мясо и косточки. Мимо пробежала

Дуся и не смогла удержаться перед таким соблазном, учуяв запах жареной рыбы. Она подбежала к хозяину и жадно посмотрела ему в рот, жующий мясо, надеясь на то, что и ей что-нибудь перепадёт. Тот взял её на руки и почесал за ухом.

– Дуська, ты откуда здесь? Ну да ладно. На чём я остановился? Ах да, морда у него была здоровенная, зубастая, в эту громадную пасть могло поместиться два человека целиком! Но опытный воин не растерялся и достал из ножен свой, закалённый в боях меч, приготовившись к схватке...

Слюна текла по моське бедной кошки. На рубaxe рядом с Федей лежала ещё одна целая рыба, как жаль, что она не заметила её раньше! Как же хотелось полакомиться столь редким деликатесом, лапы так и тянулись к одинокой рыбине, но ведьмак очень старался, не выпуская её из рук, думая что та убежит, но желая, чтобы она тоже послушала его увлекательную историю.

– Зарубив надоедливое чудище, Миттиан вспорол ему брюхо и вытащил ещё живого друга прямо из желудка...

– Когда же ты закончишь?– хотела выпалить страдающая кошка, но не решилась, и лишь завывала протяжное мяу. Хозяин посмотрел в её умоляющие глазки и продолжил.

– Но испод земли, разбрасывая её ошметки в стороны, вырвалось второе чудо-юдо, явно желая отомстить...

Дуся напряжённо заёрзала в руках, но вот, одно усилие, ловкость кошачьего тела, и она оказалась на свободе, схватив долгожданный деликатес и удирая восвояси. Хозяин смотрел ей вслед. Что ж, обидно, досадно, но ладно.

Вскоре мальчишки накинули рубахи на обгоревшие плечи, попрощались и пошли обратно в город. Ведьмак остался у реки, задумчиво смотря в её глубины и улыбаясь краешком губ. До заката оставалось ещё около трёх часов, домой идти не хотелось, к тому же стало прохладней и теперь намного приятнее находиться на солнце. Свадьба. Время неумолимо бежало вперёд, стремительно сокращая срок, отведённый на свободную жизнь. В городе всё кипело: уже приглашены все гости, готовятся конкурсы, свадебные подарки, обсуждаются блюда, медовый месяц, и всё без Фёдора. Он не хотел принимать в этом участие и с радостью отказался бы принимать его в самой свадьбе, но судьба неумолима. Может и к лучшему, кто знает?

Тело опустилось в воду и продолжило ритуал, который проводило ещё утром. В подсознании снова зазвучала небезызвестная мелодия, мышцы расслабились. Вода не принимала лежащее на спине тело, и оно медленно двига-

лось по течению. Сознание отделилось от тела.

Утро, одинокий рыбак всматривается вдаль. Труп! Плы- вёт прямо к берегу. Давненько утопленников не было. Ви- дать, что в личной жизни... а может и убили парня, всё мо- жет быть. Мужичок побежал к обнажённому мертвецу, гото- вясь вытащить его из воды.

– Хм, свеженький, кожа белая, но не размокшая,— при- говаривал он, уже помещая тело на землю. Любопытный взгляд стал рассматривать лицо(из-за кустов за ними наблю- дала кошка),— Знакомый, парень-то, на Ариона похож...

Глаза трупа открылись и вопросительно уставились на му- жика, тот, перепугавшись, отскочил назад на добрые три метра и начал хватать воздух ртом.

– Ты кто?— спросил утопленник, вставая на ноги и осмат- ривая окрестности непонимающим взглядом.

– Я, этот, Тимофей я,— отвечал рыбак,— рыбу ловлю здесь,— продолжил бедняга уже более спокойно, убедившись, что труп и не труп вовсе,— А ты кто?

– Я Фёдор, сын Ариона из города Веда.

– Да ну! А что людей пугаешь, трупом притворяешься? Ну, я тебя!– возмутился мужик и погрозил кулачком, всё ещё боясь подойти.

– Будет тебе. Я вечером купался, заснул...

– И до утра, и не утоп?

– Не утоп, как видишь, замёрз только, вон, смотри,– для убедительности он постучал зубами,– хорошо дни жаркие...

– Во даёт! Замёрз, говорит! Тебя чудо спасло, не иначе! Впрочем, чему я удивляюсь, отец у тебя магией владеет, вот и тебя, наверное, обучил.

– Ты знаешь моего отца?

– А кто его не знает, он по миру легендой ходит, так?

– Ну, да. Обучал он меня, обучал, вот я и заколдовал воду, чтобы не утопнуть,– ответил Федя, хотя сам до сих пор не понимал, что именно с ним случилось. Он помнил, что дух вышел из тела, а что было дальше,– нет.

– Хорошо обучал.

– Ты скажи, куда я попал.

– Не бойся, не далеко уплыл, семь часов отсюда пешком, ну, может, десять,— челюсть Фёдора отвисла, он присел на корточки и присвистнул, характерно помотав головой,— ну ты не бойся,— продолжал мужик,— я всё равно в город соби-
рался, по делам. На кобыле, так быстрее,— часа три, четыре, довезу я тебя, помогу.

– Спасибо.

– Тебе б обсохнуть да одеться, не будешь же голым бегать.

– Да, не помешало бы одеться,— ведьмак окинул себя взглядом,— во что?

– Наколдуй чего-нибудь.

– Хм, я не волшебник, я только учусь...

– Понятно, силушку колдовскую не хочешь на пустяки тратить? Есть у меня одёжка какая-то, одену тебя, так и быть. Дом у меня тут неподалёку, час отсюда. Пойдём, приючу те-
бя на время.

Федя согласно кивнул и поднялся на ноги. Уже поднима-

лось солнце, но не было слышно никаких петухов, даже как-то непривычно, но не радовать это не могло. Узкая тропинка вела за горизонт, лес остался за рекой, а вокруг росла высокая трава.

– Как деревня-то называется, – Желобки?– спросил юноша.

– Они самые, не бывал здесь?

– Не приходилось.

– А отец твой был несколько раз. Напасти на коров находили, так мы за ним и посылали. Колдуна в деревне у нас нет, вот и приходилось. Как тебе, не поддувает?

– Поддувает,– поняв шутку, выбросил Федя,– Жуть!

– Ну, потерпи немного, скоро будем. Вот только дочка у меня твоего возраста, ты аккуратней, нагишом то!

– Хорошо, постараюсь.

Вскоре они пришли в небольшую деревушку со странным названием. Здесь не было церкви. Дома, покосившиеся от времени, угнетали серым цветом и пёстрыми заплатами,

роль которых доводилась прибитым доскам, как не странно, покрашенным. Всего домов было около десяти, у каждого свой небольшой огород, несколько ветвистых яблонь и скотный двор. Люди здесь, тоже, видимо, любили поспать, так как на улице никого не было. Лишь одинокий пёс встречал людей, боязливо облаивая незнакомца.

– Тссс, – сказал рыбак псу, приближаясь, и погладил его по морде. Тот успокоился и снова стал пытливо смотреть вдаль, проверяя, не принесёт ли ещё кого-нибудь что-нибудь на его территорию с далёкого горизонта.

Они подошли к одному из домов, такому же серому и косому, как и все остальные, но только без заплат. Местами прорастал мох, маленькие окошки прижимались друг к другу, солидных размеров яблоня подпирала одну из стен.

– Прошу в мой дом, – промурлыкал мужичок, открывая дверь, – гостем будешь. Захудал он, конечно, да и я старый стал, силушки нет, чтоб ремонтом заниматься, сыновей нет, лишь дочь, да что она, сам понимаешь.

Внутри всё, наоборот, было пёстрым и цветастым, куча всякого барахла и непонятных декораций, казалось, что рыбак тащил сюда всё, что видел. Потолок низкий, пол скрипучий, стены, выкрашенные в очень яркие цвета.

– Подожди здесь,— молвил хозяин дома и пошёл по коридору, наводя столько шума, благодаря скрипучему полу, что проснулся бы даже мёртвый. Он дошёл до конца и полез на старую, сбитую на скорую руку, лестницу, затем скрылся под потолком. Сверху раздался шум, очевидно, вызванный поисками подходящей одежды.

За одной из стен тоже слышался скрип и стал плавно, как будто бы кто-то пытался красться, переносится вперёд. Фёдор взглядом следил за ходом его движения. Из дверного проёма выглянула голова: короткие чёрные волосы с зачёсанной набок чёлкой и очень редкими, почти незаметными усиками, почему-то только под носом.

– Ахтунг!— закричало бедное создание женским испуганным голосом, со скоростью ветра перебралось на второй этаж, очевидно, на чердак, развевая по воздуху короткую ночнушку, и продолжило,— Папа, ты видел, у нас в коридоре голый парень, папа, дай мне вон ту лопату, нет другую, вот эту, поувесистей!

– Нюра,— донёсся сверху второй голос,— успокойся.

– Да как тут успокоиться, когда в доме такое?

– Ариона помнишь?

– Ну?

– Сын его.

– Этот... а почему голый?

– Беда у парня, потерялся. Подожди здесь, я ему одежду кой-какую дам.

Через пару минут на пол рядом с лестницей свалились высокие сандалии из коричневой кожи, римского типа, короткие шорты и дырявая рубаха с оторванными рукавами. Вслед за вещами появился мужик, аккуратно спускаясь по лестнице. Он поднял недавно сброшенную одежду и подошёл к гостю.

– На, оденься.

– В это?

– Извини, ничего другого нет. Я в одном хожу, а больше мужиков в доме,— он характерно развёл руками и отрицательно покачал головой,— нема!

Делать было нечего. Через мгновение Федя был одет.

– Нюра,— Обратился к дочери рыбак,— всё, можешь слезать. Ну, что, колдун?

– Я не колдун,— ответил ведьмак.

– Как хочешь. Пойду, травки заварю, ты, кстати, есть хочешь?

– Было бы не плохо.

Тимофей пошёл на кухню – небольшое помещение, имеющее дополнительную печь, стол со стульями, все атрибуты для приготовления пищи и люк, ведущий в погреб. Под потолком на верёвочках висели пучки высушенной травы, самой разной и редкой. В том числе и собачий клюв, этой травы не было нигде в округе, только в далёких землях, куда обычно ходят многие травники. Мужик аккуратно вытащил стебелёк мяты, оборвал листья, раскрошил в руках и засунул в чайник, второй вытащил из печи и залил кипятком мятное крошево.

– Ты травку, коллекционируешь, аль в других каких целях используешь?— осведомился ведьмак, разглядывая потолок.

– Да, учён немного, бабуля научила зелья варить.

– Хороший навык. А приворотные зелья варишь?

– Это классика, зачем тебе?

– У меня свадьба послезавтра, а я не хочу. Пусть за кем другим побегают.

– Неужели тебе самому не под силу? Ты же сын ведьмака! Ты меня проверяешь просто, знаю я ваши штучки. А коль сварю, так в чёрный список занесёшь сразу.

– Какой чёрный список, ты о чём?

– Сам знаешь. Ладно, вот тебе хлеб, нож и варенье, сейчас чая мятного налью, перекусишь, и в дорогу.

Фёдор был расстроен, Тимофей думал, что он закалённый, выученный ведьмак, повидавший много нечисти, накопивший мудрость великую... но Федя был обычным городским парнем, которому никак не давалась магия, а если что и получалось, то абсолютно случайно.

Варенье оказалось яблочным, густым и очень вкусным, как не странно. Даже в нём проглядывались какие-то ягодки

и порубленные стебельки. Он не стал спрашивать, что это, наоборот, с невозмутимым видом съел около семи кусков хлеба, намазанных тем самым вареньем. Нюра с опаской зашла на кухню и присоединилась к трапезе, изредка поглядывая на гостя.

– А зачем вы так рано уезжаете?– начала она, обратившись к отцу,– ты же только завтра в город собирался, так завтра бы и поехали.

– Знаю я тебя, Нюра. Что, парень приглянулся?

– А что скрывать, правда, Федь?– ответила дочь, заглядывая юноше в глаза, затем плавно перевела взгляд на шею,– может, останешься? Поворкуем...

– Нюра, ты что себе позволяешь?– рассердился отец,– это сын Ариона,– он наклонился к дочери и прошептал на ухо,– он сам решает, что с ним делать.

Конечно, ведьмак услышал эту фразу, и она не могла не удивить. Хм, Арион сам решает, что с ним делать. Он отец, но причём всё остальное? Интуиция забилась где-то внутри, остерегая и предупреждая.

– Спасибо, за гостеприимство, но мне хотелось бы уехать

пораньше. Послезавтра будет свадьба, я жених, уверен, меня уже ищут. Неплохо было бы выехать прямо сейчас, ты как, Тимофей, не против?

– Пойду кобылу запрягу,

– А ты останешься,— уверенно сказала Нюра.

– Нет, он пойдёт со мной,— мужик взял Фёдора за локоть и повёл на улицу.

Они вышли, запрягли лошадь, сели в телегу...

– Пап, а борщ свернулся,— раздалось из домика.

– О чём это она?— Удивился юноша.

– Да это она шутит так, говорит не скис, а свернулся, на кровь похож, тоже красный, вот она и выдумывает, она вообще выдумщица у меня. Доча, к бабе Фёкле сходи, она сегодня только суп варила.

– Хорошо.

Лошадь медленным шагом потащила телегу. Сложилось впечатление, что за спиной добрая сотня любопытных глаз,

Федя повернулся, но ничего не увидел. Странная дочка у него, да и шутки... хм, борщ свернулся, больная у девочки фантазия.

Минуло два часа, ландшафт продолжал меняться, солнце уже стояло над головой и неумолимо жарило всё, что попало к его взгляду. Несмотря на это Тимофей ехал всё в том же тулупе, и ни одна капля пота не выступила на его задумчивом лице.

– Тебе не жарко,– спросил ведьмак.

– Отчего?

– Ну, так солнце жаркое да воздух душный, а ты в тулупе.

– Я привык, я всегда в нём хожу. На нём заклинание есть, не видишь?

– Нет.

– Странно, ну, в общем, он температуру тела регулирует.

– Эдакая полезная штука...

Время шло, они болтали. Оказалось, что рыбак весь уве-

шан заклинаниями, и нужными, и бесполезными. Например, заклинание на отведение порчи и сглаза, на отпугивание слепней, на отведение наблюдения и т.д. Дорога шла вперёд, виляя боками, огибая одинокие полянки и берёзовые рощи. Вскоре показался знакомый луг. Дальше дорога уже была известна, но пешком,— не менее трёх часов. В голове крутились мысли, интересно, что скажут дома?

На крыльце стояла вся семья, бурно общаясь и обсуждая оставшиеся тонкости мероприятия.

— Федя, как-то ты странно одет,— начала мать,— иди, при-
мерь свадебный наряд.

Странно, его отсутствия никто не заметил.

— Пойдём, обречённо вздохнул сын.

Чёрные лакированные сапоги из плотной кожи, с коричневым узором и медными клёпками, такие же чёрные кожаные штаны, отличавшиеся невероятной тонкостью и нежностью. Расписанная рубаха сверкала золотом и серебром. Фёдор подошёл к зеркалу,— очень, даже, не дурно. Интересно, как Кира будет выглядеть в свадебном платье? Фёдор представил многообещающую картину и засмеялся безудержным, но коротким смехом.

— Вот это жених, — мать никак не могла нарадоваться красавцем-сыном, — Федь, прям отдавать тебя даже как-то жалко.

— О! Хоть одна правильная мысль! — вырвалось у юноши.

— Ты что имеешь в виду? — обижено и сердито произнесла Иленя.

— Не отдавай меня, я тебя очень прошу, я слишком молод, я не могу умереть так рано!

— Не стоит слёз, ты мужик или где? Стерпится, слюбится! Нечего по пьяной лавочке детей строгать!

— Да я даже не помню...

— Зато весь город об этом знает. Фёдор, я тебя очень прошу, не надо позорить нашу фамилию! Точка! И тире! Расслабься и получай удовольствие.

Фёдя мучительно простонал. Ну, кто мог предвидеть такой конец, печальный и неоправданный? А виной всему пиво! И как боги могли допустить такую нелепую ошибку! Они же видят, что рушится жизнь юного ведьмака! Да... ведь-

мака-неудачника.

День прошёл скучно. Полюбовавшись, как сидит костюмчик, мама показала сыночка всем, кому это было интересно, а потом сама занялась тем, что было интересно. Впрочем, как и все остальные. Федя лежал на своей кровати, слушая мурлыканье Дуси. Что-то не так в этом всём. Очень много неувязок. Во-первых, сама свадьба,— абсурд! Во-вторых, Кира, внезапно познавшая магию, причём, неплохого уровня. Орехи те, три слова: осторожно, город, опасность. Рыбак этот странный, дочка его. Хм, борщ свернулся. А может она упырь? Да нет, все упыри уже записаны в книгу исчезнувших видов. У девочки просто больная фантазия. Но что же не даёт покоя? Почему всё тело пронизывает дрожь? Может, потому что дует из окна? Нет, это другая дрожь. Озноб? Может, заболел, после речки то? Нет, это совсем другая дрожь. Это тонкое чувство опасности. Сама интуиция говорит о том, что близится какая-то угроза. Гроза! (ударил ливень, за ним последовала вспышка света и характерный гром) Фёдор поспешил закрыть ставни, неуклюже соскочив с кровати. Кошка очень обиделась, так как случайно была скинута на пол. Вот и угроза,— незапланированный выброс осадков и обиженная Дуся, которая просто обязана нашкодить в ответ хозяину, посмеяшему так грубо прервать её сон. Она даже сгруппироваться не успела, даже глаза открыть, и так не гуманно плюхнулась на пол. Больно было, между прочим. Конечно, объ-

ектом её диверсии, скорее всего, снова станут тапки. Хотя, можно придумать и что-нибудь поинтереснее...

Капли дождя били по крыше и стенам. Как не хотелось спать! Впервые в жизни! Да... бывают в жизни огорчения. И это был такой же срыв! На момент Федор чётко решил для себя убежать в леса. Куда угодно! Прочь от этих странных людей, от жизни подкаблучника и няньки! Он даже начал было собирать вещи. Но как-то быстро срыв сошёл на нет, и он решил, что, по крайней мере, необходимо переждать дождь. Да и сложно решиться на такой отчаянный шаг. В леса... И как там жить? Но он же сын ведьмака, потомок знатного рода, Великий и Ужасный, в конце концов! Да нет, наверное, всё это пустое. Какой из него к чёрту ведьмак? Городской оболтус, не приспособленный к самостоятельной жизни, тем более в лесу, в отшельничестве. К тому же его будут искать. И близкие, и неблизкие. Да и кто-нибудь покруче, если папаша Киры всё же соизволит написать заявление. Ну и где она, справедливость?

Фёдор заснул. Но только под утро. Мысли так жестоко терзали его голову, скаля свои пасти, что даже сны боялись их и не решались приближаться. Но вскоре нашёлся самый страшный сон, хитрый и умный, охмурил все мысли и многообещающе завладел подсознанием.

Луна. Казалось, она улыбается, и, стесняясь, прикрывается вуалью из чёрных облаков. Звёзды, разбросанные по небу, смотрят вниз, поддерживая и ожидая. Деревья, окружившие поляну, шелестят листьями в такт, складывая звуки в марш. Земля равнодушно ожидает поединка и гадает, кого из тех двоих ей придётся принять сегодня? Два война готовы к битве. Эта битва за честь, а значит и за жизнь. В этом мире жестокие нравы: потерять честь – преступление, и карается смертью. Вокруг поляны тоже стояли войны, мечи били по щитам, голоса просили крови.

Ведьмак приготовил щит и занёс меч над головой, выдвинув вперёд левую ногу. Тоже сделал и соперник: закалённый воин в два раза превышавший его вес. На обоих надеты кольчуги, шлемы и нагрудники. Кисти рук и ноги без защиты. Все чувства обострились. За шумом толпы было слышно даже то, как все звери тихо подбираются к поляне, чтобы не пропустить этот поединок, даже каждый вздох доносился до ушей. Глаза реагировали только на движение, на малейшее изменение взгляда противника, на каждое движение его ног. Фёдор читал каждую мысль, намерение и желание, но то же самое делал и Савир, уже готовясь нанести первый удар.

Щит, меч, щит, прыжок, выпад, щит, прыжок. Воины снова оказались на расстоянии и шаг в шаг ходили кругом, выбирая слабые места. Но таких не было, поскольку каждый

знал мысли другого. Бой обещал быть долгим и жарким. Савир снова начал первым. Комбинация была весьма интересной. Закрывшись щитом, выкинул ногу в щит ведьмака, нанеся колоссальный по силе удар, после чего бросил руку со своим щитом вперёд, намереваясь, как минимум, сбить шлем, и одновременно с этим нанёс удар в образовавшуюся щель в защите противника, пытаясь разрубить его от шеи до поясицы. Но тот извернулся, как кошка, и нанёс ответную серию ударов. Воины снова отскочили и заходили по кругу. Шлем Савира красовался лёгким надрезом на левой стороне, нервы заиграли в его сердце. Фёдор это чувствовал, соперник был сильнее и руки уже болели от принятых ударов, на мече появились зазубрены, а на щите трещина. Долго он так не выдержит. Остаётся только один вариант: кровь ударила в виски и заполнила глаза, сливая всю местность в кровавый коридор, в конце которого была только одна цель, – враг. Мышцы разбухли и огрубели, кожа стала похожей на камень, по телу побежала сила. Но и противник воспользовался сменой восприятия, и снова никаких преимуществ, у обоих есть одно общее чувство, чувство крови и желание убить.

Звери сцепились, накаляя металл, все движения сливались с воздухом, и они исчезли из поля зрения обычного человека, превратившись в бушующую дымку, окружённую искрами и каплями пота. Щиты сломались, мечи – тоже, они

дрались на обрубах, земля поднялась вверх, окружая воин-
нов завесой пыли и ошмётков травы. Неожиданно оба оста-
новились на расстоянии двух метров и начали внимательно
во что-то вслушиваться.

Петухи? Откуда здесь петухи? Фёдор открыл глаза и при-
вычно уставился в потолок своей комнаты, но тут же закрыл
их под натиском яркого света. Тело было вялым и лишённым
сил, на правой руке сочилась кровью царапина,— наверное,
Дуся поцарапала ночью, хотя она привычно лежит в ногах...
Чёрт с ним. Ведьмак попробовал встать, но ощутил боль в
каждой мышце своего тела. Он хорошо помнил сон и поеди-
нок, но как это могло отразиться на реальности? С другой
стороны, мозг продолжает работу, мышцы сокращаются, вы-
деляются все соответствующие гормоны... Да, пожалуй, это
объяснимо, но раньше такого не было...

Хм, сначала инцидент на речке, теперь этот случай. Ко-
нечно, отец рассказывал о подобных вещах, что всё есте-
ственно, что мы вообще не видим снов, просто наш дух пу-
тешествует по мирам, а все физические процессы во время
сна объясняются его крепкой связью с телом. Но как-то сла-
бо в это верилось до этого момента. Он снова попробовал
встать,— тщетно. Ещё одна попытка, всю волю в силу,— да, он
сумел сесть на краю кровати. Необычно, даже после самых
жесточких тренировок мышцы не пронизывала такая боль.

Свадьба, мысли о свадьбе совсем потерялись и сошли на нет. А ведь сегодня последний день свободы! Может всё-таки уйти в леса? Нет, если Кира и вправду беременна, нельзя бросать её с ребёнком. А если нет?

Федя ещё раз проклял пиво и кое-как встал на ноги, идти ему удавалось с трудом, но желудок просил насыщения. Он доковылял до кухни.

– Фёдор, что с тобой?– спросили хором родители, одновременно поставив кружки с настоем на стол,– Ты как-то странно ходишь.

– Это всё сон, поединок...

– Ты участвовал в битве?– перебил отец,– интересно, расскажи поподробнее.

– Да это во сне,– проямлил Фёдор.

– Я понимаю, помнишь, что я говорил тебе о снах? Ты можешь получать знания и навыки, перемещаясь по мирам.

– Возможно. В общем, я сам не понял, с кем дрался, помню только, что битва была за честь, и кто-то один должен был умереть.

– Поздравляю, ты выиграл поединок, если ты жив.

– Да нет, битва не закончилась, меня петухи разбудили.

– Странно... ну да ладно, хочешь кашки?

– Гороховой?

– Нет, на этот раз перловочки.

Юноша сел за стол, мать подала завтрак, начался ещё один поединок, – с перловой кашей. Родители ещё раз напомнили о свадьбе, сказали, что всё уже готово, церемония состоится завтра по полудню, что он, наконец, вырос и скоро станет настоящим мужчиной, что на него ложится большая ответственность, что это переломный момент в его жизни, и он станет совсем другим человеком...

Да, да, да, другим человеком. А может оно и к лучшему?

– Скоро придёт Изафон и расскажет тебе о всех тонкостях...

– Изафон? – поперхнулся сын, – Снова этот колобок бородатый!?

– Не смей так говорить об уважаемом человеке,– бросила мать,– он порядочный и благородный мужчина. Я, между прочим, тоже была у него в церкви, очень хорошие вещи там говорят. Действительно, удивительная религия. У нас уже почти весь город ходит в церковь.

– Пап, и ты?– тихо сквозь зубы спросил Федор.

– Ну, я зашёл с твоей мамой,– начал отговариваться Арион,– она настояла...

– А чего ты перед ним оправдываешься,– вставила Иленя, уперев руки в боки.

– Это предательство нашей культуры!– выпалил Федя ревущим басом, не сдержавшись и в кое-то веки показав свой настоящий характер,– кто он такой?! откуда появился этот поп? Вы хоть что-нибудь о нём знаете?! Где же твоя вера, отец, которой ты учил меня с детства!? Он всех рабами называет! Да за его словами веры не слышится! Он сам не верит в то, что говорит! А вы как послушные собаки виляете хвостами! Что с вами случилось!?

Иленя дала ему пощечину и разрежала щёку перстнем. Арион потупил глаза и в глубине души соглашался с сыном.

Ах, если бы он знал, в каком безвыходном положении оказался весь город, и даже он, великий Арион,— не исключение.

Глаза юноши заплыли яростью. Он вышел из-за стола, но непослушные ноги запутались и он упал на пол, затем встал, не подавая вида, и пошёл прочь.

Фёдр ковылял по дороге, зрачки сузились, кровь стекала по лицу и шее, пачкая воротник белой рубахи и сливаясь в узор кровавой сетки. Он забыл про боль в мышцах, но хорошо ощущал боль в сердце. Предательство, как же оно меняет человека... Люди сторонились его, опасаясь, а ноги, путаясь, вели вдаль. Что случилось с ними? Так легко отказаться от своей веры, предать свою душу! Он наткнулся на ржавый меч, поднял и повесил за пояс. В ярости и гневe он всё ближе приближался к знакомому лесу, дошёл до поляны и упал на колени, ломая мысли и ревя диким зверем. Глаза заметили сухое дерево. Он поднялся, вытащил меч и принялся наносить удары,— всего через пару минут оно было порублено на дрова. Он успокоился, собрал ошмётки древесины, бросил в кучу и зажег костёр, с первой же мыслью. Так значит вот, что нужно было, чтобы овладеть магией,— ярость! Юноша посмотрел на руку и представил пламя, через миг в ней заиграл огонь, он бросил пламя в дерево, то в свою очередь разлетелось на горящие куски, разбрасывая пламя во круг. Начался пожар, огонь молниеносно охватил всё близ-

лежащее пространство, горели сухие ветки, мох, кора, температура достигала предела, зажигая и стволы деревьев.

Смех, злорадный смех громом разнёсся по воздуху, в глазах читалось безумие, кожа огрубела и потемнела, волосы окрасились седым цветом, одежда превратилась в чёрный кожаный доспех эльфийского манера. Вот как рождаются тёмные эльфы! Глаза затекли чёрной завесой а сердце про-сило крови!

Белка, та самая рыжая белка, для которой некогда молодой ведьмак построил домик, в компании с Дусей наблюдала за происходящим. Они переглянулись и кивнули друг другу. Пошёл ливень, Фёдор почувствовал слабость и потерял сознание.

Два война снова сцепились друг с другом, мечи сломались уже у основания, они быстро разошлись, взяли новое оружие у толпы, окинули друг друга взглядом и стали осторожно сближаться. Поднялся сильный ветер и ударила гроза. Земля начала превращаться в жидкую и скользкую грязь. Бой усложняется... Ведьмак сделал шаг вперёд и замер, его меч загорел белым пламенем, он ощутил силу, которой никогда не ощущал до этого. Савир снова не оставил преимуществ. Его меч загорел чёрной бездной, а ноги начали отрываться от

земли, поднимая его в воздух. Он чувствовал превосходство, и ликующий смех звучал под его шлемом. Фёдр тоже поднялся в воздух и схватка началась снова. Удар за ударом, как бушующие вихри они проносились по поляне. Но, вот оно, юного ведьмака просто выбросило вниз. Пропахивая землю, он скользил по грязи. Доспех оплавлен, ран нет, но тяжело дышится, он жадно глотал ртом воздух, но не мог восстановить дыхание. Савир приблизился к нему и снял шлем. Седые волосы расплзлись по плечам. Фёдр узнал себя в своём сопернике. Второе я? Эльф Савир протянул руку и юноша почувствовал, как силы уходят из него. Надо что-то делать, смерть так близка, но так нежеланна. Что-то дёрнулось у него в груди и наполнило новой силой, в стороне он увидел белочку и Дусю. Они наблюдали за поединком.

Рывок, удар, прыжок, меч, щит (в этот момент Федя почувствовал, что сейчас что-то рванёт) с меча соскользнул комок энергии, взорвавшись прямо перед носом эльфа. Фигуру унесло за горизонт.

– Федосик, – слышался голос Иленей, – Скоро всё начнётся, а ты ещё спишь.

– Что начнётся, – сквозь сон пробормотал сын.

– Как что, церемония!

Фёдор вскочил на ноги и окинул комнату ошарашенным взглядом.

– Как церемония!? Завтра, всё должно быть завтра!

– Федя, что с тобой, ты что, уже дням счёта не ведешь?

– Веду, но я не помню, что было вчера.

– Неудивительно, ты вчера опять пиво пил.

– Пиво?– он провёл рукой по щеке, раны не было,– но я не помню.

– Такое часто бывает. Но зачем ты вчера так напился? Кто тебя надоумил?– мать приняла грозный вид и упёрла руки в боки.

– Не помню...

– Ладно, пойдём, костюмчик оденешь, поесть и на свадьбе успеешь.

Фёдора охватила паника. Сегодня, уже сегодня! Это не справедливо! Но, так оно или нет, скоро он станет мужем.

Ха-ха (зловеще смеётся автор).

Юноша не успел опомниться, как уже стоял у алтаря. А вон и Кира, смех забрался куда-то в горло и сдавленно вылезал наружу. Это не невеста, это здоровенная бочка с пивом! Накрасилась она ещё ярче, чем обычно, превратив своё лицо в детскую раскраску, волосы пучком самурая с еврейскими висками и пудельской чёлкой, губы выкрашены яркой красной помадой на пол лица, голубые синяки под глазами, само лицо напудрено до мёртвого оттенка, румяна напоминали раздавленные помидоры. Платье, белоснежное платье просто очаровательно смотрелось бы на ком-нибудь ещё, но только не на ней. Под этой юбочкой могло бы поместиться человек двадцать лёжа. Друг на друге. В пять рядов. Ну, может, пятнадцать, не важно. Выглядело это очень даже забавно. И вот эта забава претендует на молодого ведьмака! Зато силушка богатырская! Если бы ещё и не красилась... Они поравнялись и поп начал читать какую-то проповедь. Фёдор не слушал, и даже не смотрел в его сторону. В его голове уже крутился план, Великий план с большой буквы, Всем Планам План,— он хотел убежать, но вот только как, он пока не знал. На выходе стояло порядка десяти плечистых дядек, окна высоко... хм, а вон там за алтарём какая-то коморка, там и выход вроде есть...

-Кира...

-Да! ДА! Да-да-да-да-да-да-да!

– Фёдор, а вы...

Кира вцепилась в него обеими руками богатырским хватом. Чёрт, надо было раньше драть! Кира всем весом навалила ему на ногу. Протяжное а-а-а разнеслось по церкви, но все расценили это а, как да.

– Объявляю вас мужем и женой, можете поцеловать невесту!

Кира превратилась в пылесос. Бедный, бедный Федя! Она так и взяла его под мышку как игрушку и прошептала на ухо, что впереди очень скоро их первая брачная ночь, и что он сделает её женщиной.

– Так у нас ничего не было!? – возмутился Фёдор, – Ты не беременна!?

– Конечно, нет, глупышка, ты же был не в состоянии. Но какая теперь разница. У нас всё впереди, милый мой.

Ведьмак заскулил. Беспомощный, униженный он так и болтался у неё под мышкой, перемещаясь из церкви в сва-

дебный дворик, специально оборудованный горожанами для подобных событий. Их обсыпали конфетами (преимущественно мучными и ледяными), конфетти, созданными из разноцветных тряпок, мелкими монетами и т. д. Кира напоминала цезаря, победившего в очередной войне. Торжествующий вид этого раскрашенного личика, действительно был очень страшен, что, впрочем, совсем не пугало людей. Ну а мужу только и оставалось, что обмякнуть, превратившись в плюшевую куклу, и ждать своей участи.

Дворик был очень красив: цветы и раскидистые клёны, фонтан, вымощенные дорожки, резные беседки, такие же столы, накрытые белыми скатертями. Столы просто пестрили угощениями, включая в себя всё: от мяса и спиртного до самых невероятных экзотических блюд. Все шумели и веселились, выступали приглашённые актёры, шуты, музыканты... О такой свадьбе можно было только мечтать. Всего участвовало семь сотен гостей и порядка сотни развлекающих персон. Молодожёны сидели во главе стола. С тостом поднялся Арион. Воцарилась тишина и ожидание.

– Я долго ждал этого момента! Сегодня мой сын стал мужчиной и возложил на себя нелёгкие обязанности. Заботиться о жене-красавице. Воспитывать детей-богатырей. Обеспечивать семью кровом и едой. Ценой жизни охранять от любого рода опасности! Каждый проходит через это раз в жизни.

Бывают исключения. И в последнее время их всё больше. Но запомните, вы поклялись перед небесами в вечной верности друг другу.

После этих слов он опрокинул кубок, и все последовали его примеру. Следующей была Илинея. Она медленно поднялась со стула и вновь воцарилась тишина.

– Сын мой, Федечка, отец уже напомнил тебе о том, какие ты взял на себя обязанности, и повторяться я не буду. Я надеюсь только на одно: что вы проживёте эту жизнь вместе, помогая друг другу, в любви и счастье. Пусть она вам покажется раем!

Снова опрокинулись бокалы.

– Дети мои,— тут же начал говорить поп, — все мы сегодня собрались здесь, чтобы лицезреть немаловажное событие, имеющее весьма важные последствия в жизни нашего чудного города. Это первый шаг на пути к долгой совместной жизни,— Федя не слушал: ну чего он толкового может сказать?

Изафон закончил речь и в очередной раз зазвенели кубки. Тосты продолжались один за другим. Гостей было много, и каждый хотел высказаться. После тридцатого все уже изряд-

но опьянели и решили просто подняться все разом, пожелав в один голос молодожёнам счастья и процветания. Вскоре дело дошло и до еды, которая со скоростью ветра исчезала со стола, проваливаясь в желудки. Юный ведьмак совсем опьянел, как впрочем, и его жена, и они с радостью удалились в одну из беседок.

Страстные поцелуи, жаркие объятия, нежные слова,— всё это могло случиться, если бы к мужу не вернулся рассудок. Зов природы! Какой удобный повод избежать неминуемого. Кира осталась в беседке с кубком ядрёного вина.

Вот он, момент которого нельзя упускать. Шумный народ остался позади. Скорей, пока никто не спохватился! Улицы замелькали перед глазами, ветер засвистел в ушах... дом, любимый дом! Фёдор забежал вовнутрь, поднялся на второй этаж, скинул с окна свои доспехи, чуть не убив лошадь, ждущую его и жующую сено. Конечно, лошадь папина, но в такой ситуации это не важно. Затем, он схватил сумку с собранными вещами, накидал какой-то провизии в узел и бросился на улицу, огибая дом. Ага, вот она, Маруся, спасительница! Ведьмак привязал сумку, надел куртку, закрепил доспехи, закинул и привязал узел, забрался на лошадь,— и только пыль виднелась за копытами кобылы, беспощадно подгонявшейся пятками всадника.

Дуся сидела на крыше и смотрела вслед. Казалось, она улыбалась и довольно мурлыкала, удовлетворённо наклоняя голову.

Глава третья – не последняя

Закат расплылся ровной волной над горизонтом, удивляя самыми необычными красками. Жаль, что Фёдор этого не видел за густыми кронами деревьев. Он уже совсем загнал кобылу, пробираясь через этот, казалось, бесконечный лес. Самые разные чувства терзали душу. Чувство радости менялось чувством страха, страх сменялся обречённостью, та в свою очередь, любопытством и т. д. Что теперь? Свобода? До ближайшего города не меньше недели пути, провизии хватит на два дня. В лесу легко заблудиться и тогда до города можно добираться не один месяц! Казалось, он сгинет в этих дебрях, гордый и свободный. В кармане звенели десять серебряных монет, но здесь они бесполезны, разве что напоминают о теперь уже безвозвратном прошлом. Конечно, можно вернуться обратно, но это будет проявлением слабости и страха, чего он не мог себе позволить, так как твёрдо решил начать жизнь с чистого листа. Даже звери рано или поздно уходят из стаи. В конце концов, природа всегда обеспечит его всем необходимым, во всяком случае, летом. Есть меч, вряд ли он поможет при охоте, но сейчас растут ягоды,

грибы, некоторые из них можно есть сырыми. Также в наличии имеется арбалет, десять стрел. При охоте их можно использовать не единожды.

Но что же теперь, всю жизнь прожить в лесу? Отшельником? А что терять? Пуститься вдаль вольным странником! Копить опыт, учиться магии, которая может так пригодиться в будущем! Родители всегда говорили, что это у него в крови, ведь он сын ведьмака, потомственного ведьмака, грозы нечисти и сына природы! Что же, время покажет...

Лес становился реже, вдали показалась полянка, путник приближался к ней, взгляду открылось небольшое озеро, по размерам, напоминавшее пруд. Хм, неплохо. Можно ополоснуться и напоить лошадь, рядом можно пристроиться на ночь, которая верным шагом приближалась всё ближе.

Он разделся и залез в воду, довольно прохладную, но приятную после долгого пути. Тридцать минут водных процедур. Уже совсем стемнело. Было бы неплохо обеспечить ночлег. Фёдор вылез на берег и углубился в лес, пытаясь найти что-нибудь подходящее. А может просто забраться на дерево? Нет, исключено! Через два часа на поляне красовалось некое подобие кровати. Семь толстых брёвен, прижатых друг к другу, сверху, поперёк, толстые палки, накрытые еловыми ветками. Ха, вполне неплохо! Ночи тёплые, накрывать-

ся чем-либо совсем не обязательно. Маруся жевала траву и пытливым взглядом наблюдала, как её хозяин укладывался на некое подобие кровати. Лежать на спине вполне удобно...

Ведьмак проспал на спине около часа, но кто не любит ворочаться во сне? Этот момент настал. После небольшого промежутка времени вся конструкция пришла в негодность. Он понял, что палки на брёвнах были лишними, а сами брёвна было бы неплохо немного закапать, чтобы они не раскатывались. Момент, вылившийся в минут сорок,— брёвна приняли упор, еловые ветки с двойной густотой улеглись сверху, меч, воткнулся в землю и застыл. Сон! Наконец!

Середина ночи, Маруся умудрилась скинуть с себя узел с провизией, тот как-то сам весьма аккуратно развязался, и от него потянуло весьма неплохими ароматами. Через несколько минут еда была уничтожена. Кобыла довольно отпрыгнула и закрыла глаза. Федя же наоборот, глаза открыл, услышав благородную отпрыжку. Его глазам предстала красивейшая картина: развёрнутый узел с жалкими ошмётками недоёденной пищи и довольная лошадиная морда, уже начинающая негромко сопеть.

— Чёрт!— подумал он, — Впрочем, через два дня её бы всё равно не стало.

Он плюхнулся обратно и отключился, надеясь заснуть крепким сном и не просыпаться утром, так как в желудке уже урчало. А в этом лесу за всё пребывание в нём, не встретилось ни одного дикого животного: ни кабана, ни зайца... правда, есть ещё птицы. Не хотелось думать об этом, тянуло в мир сновидений и забвения...

Федя проснулся, почувствовав капли дождя, ливень обрушивался на землю. Прогредел гром и сверкнула молния. Кобыла, испугавшись, умчалась в неизвестном направлении вместе со всеми вещами. Хозяин, было, поспешил за ней с отчаянными криками, но вскоре понял, что это тщетно. Голодный, мокрый и холодный, он так и остался стоять, смотря ей вслед обречённым взглядом, челюсть отвисла, ноги начали подкашиваться. Сгинет, он точно сгинет в этом лесу!

Ветер раскидывал мокрые волосы, дождь хлестал по щекам, вода с явным усилием поднималась всё выше, уже размыв всю землю и превратив её в жидкое месиво. Давно таких дождей не было...

Что же, он сам выбрал свой путь. Идти назад пешком, — три-четыре дня. Нет, назад нельзя! Да что же он, в самом деле. Великий прадед вообще всю жизнь прожил, перебираясь из одного леса в другой. А чем он хуже? Нужно просто привести мысли в правильное русло. Дождь скоро закончится,

земля высохнет. Ну и что, что вся одежда в грязи, кто его здесь видит? Романтика, в конце концов, приближение человека к природе, возвращение к корням! Отец всегда говорил, что магия в самой жизни, в каждом миллиметре видимой и невидимой материи. Это законы, по которым живёт вся вселенная, все звери и птицы, все, кроме человека. Превратиться что ли в волка? Или просто поиграть в Маугли или Тарзана? Шутки шутками, но жестокая реальность говорит только о том, что если в ближайшее время не проснуться инстинкты выживания и не зашевелиятся мозги, то пиши пропало.

Фёдор подошёл к лежаку и вытащил меч, послушно торчавший из земли, заткнул его за пояс и гордо зашагал куда-то вглубь. Весёлая музыка звучала в голове, музыка, напоминавшая чем-то танец лебедей, ну, или гусиный вальс, впрочем, это от безысходности.

Дождь, действительно, закончился через три или четыре часа, выглянуло солнце и уже начало медленно, но аккуратно подсушивать лесные тропы. В какую сторону идти? Благо, отец учил ориентироваться по солнцу. Как не странно, эти уроки Фёдор всё-таки усвоил. Он устал, тянуло в сон, но останавливаться было нельзя. Тут дерево, там дерево, тут куст, там куст. О! А это похоже малина. Ноги сами понесли к диким ягодам. Ещё зелёные, они казались вполне вкусными и одна за другой перемещались в желудок.

Ярило уже стояло над головой, а куст малины исчерпал свои ресурсы. Желудок забит, прибавились силы, вот только во рту сухость и горечь. Пить! Ха, вот очень подходящая лужа. Привкус земли во рту, но можно и отплеваться хорошенько...

С другой стороны здесь не так уж и плохо. Можно собраться с мыслями, подумать о вечном, понять природу, научиться принимать её дары. Хм, прям как настоящий ведьмак. Может быть, сама судьба решила дать урок неудачнику и сделать из него то, чем он должен быть в этой жизни?

Может. Да, только так можно осознать настоящую красоту и гармонию, только здесь можно научиться чувствовать жизнь, ценить каждый вздох, любить каждый день, который встречаешь... только здесь и только так. Наверное, это и есть магия. Когда сближаешься с природой, понимаешь её законы. Возможно, именно так можно приблизиться к тем балансам, которые держат этот мир. Кто знает?

Он шёл, любуясь тем, что видел. Как же всё прекрасно! Неожиданно ему захотелось в туалет, очень захотелось. Затаившись в растительности, как настоящий партизан, он приступил к диверсии. Именно в этот момент пришло осознание того, что малина всё-таки была не зрелой. Совсем не зрелой. Если бы рядом были дикие звери, то они бы начали спасать

свои жизни. Знаете, как говорится в этом случае,— гром гремит, земля трясётся. Зато прочищен кишечник и сброшено добрых пять килограмм лишнего веса! Теперь и идти легче, и стимул есть (запах распространялся с большой скоростью на большое расстояние).

Фёдор прошёл уже около километра. Снова запели птицы. Появились комары и мошкара. Всё-таки он не одинок в этом мире. Говорят, в далёких странах едят насекомых. Он принялся ловить мошкару. Определённого вкуса, конечно, нет, есть можно, но сколько же их нужно переловить? Черви! Сколько их выползло! Их, вроде тоже можно есть. Нет, это как-нибудь в другой раз, на крайний случай. Можно есть и листья. Юноша принялся общипывать ветки, сдирая на ходу с них растительность. Какие-то были горькими, какие-то не очень, а какие-то оказались даже сладкими. Что ж, тоже неплохо. Именно в такие моменты понимаешь, что означают слова: человек-существо всеядное.

Весь день прошёл в изучении съестного и полезного, а также в мыслях о жизни и всего с ней связанного. Свобода! Ему уже начинала нравиться вольная жизнь, и он ни капли не жалел о том что убежал из родного города. Потемнело, деревья преобразились, завывли волки. Волки! Юноша только сейчас понял как близко стоя волков, их глаза уже мелькали впотьмах. Было слышно, как они его окружают. Со ско-

ростью света он оседлал верхушку одного из старых деревьев. Стая, составлявшая двадцать особей, столпилась внизу, и жадно смотрела вверх, даже не думая о том, чтобы уйти. Наоборот, хищники, начали пристраиваться на ночёвку, ловя блох и добрейшими глазками осматривая окрестность. Они и вправду казались очень милыми, вот только клыки просят свежей человечины!

Что ж, ветви достаточно толстые, можно и поспать на дереве, главное, не свалиться. Нет, спать пока не хочется. Можно обламывать сухие ветки, которыми, в свою очередь, можно пошвыряться в этих оголодавших зверюшек. Жертва приступила дразнить охотников, норовя попасть в глаз хотя бы одному из них. Вспомнить бы заклинание для разжигания огня,— тщетно. В скором времени снаряды закончились, а волки твёрдо решили, наказать обидчика,— рано или поздно всё-равно свалиться. Один из них даже решил потрясти дерево, встав на задние лапы. Благо, это у него не получилось, так как ствол был достаточно толстым. Фёдор принялся к строительству шалаша. В руководстве по ведьмовскому ремеслу об этом писалось, и эта тема его довольно таки увлекала. Единственное, что было необходимо это меч, достаточно острый, чтобы рубить древесину,— такой в наличии имелся. И верёвка,— здесь в ход пошла белоснежная рубаха с позолотой и серебром. Конечно, она была уже не столь белоснежной, но стоила не меньше семи золотых. В таких слу-

чаях выбирать не приходится,— жизнь дороже.

Через пол часа была готова вполне надёжная конструкция, на которой можно было без всяких опасений предаться сну. Ведьмак показал хищникам неприличный жест, ещё раз швырнул палкой и устроился поудобней. Глаза закрылись. Было довольно прохладно, но тёплая кожаная куртка была ещё на нём, не зря он второпях натянул её на плечи и уже не первый день в ней жарился под солнцем! Мир сновидений поглотил сознание.

Солнце, пытлиное солнце то и дело заглядывало в закрытые глаза, пробираясь лучистыми щупальцами через листву. Зато никаких петухов,— какое счастье! Фёдор зевнул и посмотрел вниз: волки тихо сопели внизу. Вот он шанс! Можно ускользнуть, вопрос только в том, насколько чутко они спят. Жертва начала слезать с дерева. Вожак стаи приоткрыл один глаз и приготовился к атаке. Ведьмак посмотрел на него, тот, как нив чём не бывало продолжал сопеть и делать вид, что спит, но оба глаза превратились в узкие щели, напоминавшие бойницы, через которые вполне можно наблюдать за врагом. Хм, а они намного хитрее! Юноша начал карабкаться обратно. Волк-хитрец понял, что скрываться незачем, потянулся и встал на все четыре лапы, затем обошёл весь коллектив и что-то проворчал на своём непонятном языке. Тут же добрая половина оккупантов убежала в разные стороны.

Интересно, это такой отвлекающий маневр? Федя совсем бы не удивился, если бы они появились на соседних деревьях и, как ниндзя, принялись приближаться к желанной цели. Но этого не произошло. Появилось несколько волчиц, вместе с ними бежали маленькие волчата. Похоже, они собрались обосноваться здесь надолго. Неужели так мало других животных в этом лесу? Впрочем, неудивительно, наверняка они уже всех сожрали!

Прошло около двух часов, в животе урчало. Похоже, его хотят взять измором. Вернулись убежавшие охотники. Каждый в зубах тащил какую-то живность,— преимущественно зайцев. Не хватало только троих. Вскоре показались и они, волоча за собой тяжёлую кабанью тушу. Вся стая приступила к трапезе.

— Дайте хоть ножку, братцы,— взмолился Фёдор.

— А ты иди сюда, мы и угостим,— взглядом ответил вожак.

Жертва начала жевать листья, интересно, надолго их хватит? Забить желудок, конечно, удастся, но... Кто бы мог подумать что всё вольное странствие окончится именно на этом дереве! Судьба смеялась за спиной.

Прошёл ещё один день. Юноша уже вполне привык к сло-

жившейся ситуации, уже произвёл несколько диверсий. Знаете, как при осаде замка: смола, кипящее масло и т.д. Конечно, ингредиенты были совсем другие, но весьма действенные. Враг даже бежал, но недалёко,— на пару метров в радиусе. А в остальном продолжал жить вполне обычной волчьей жизнью. Федя присел на своей конструкции, напоминавший плот, застрявший в кроне дерева, и свесил ноги.

— Братцы, за что же вы меня так невзлюбили, а?— начал он, — Мы же с вами не дикари, в конце концов, давайте приступим к переговорам.

Как не странно, но вожак подошёл поближе и напрягся от внимания, приподняв одну бровь, и явно ожидая продолжения речи.

— Я слезу с дерева,— продолжил дипломат, волк положительно закивал головой,— пойду вон в ту сторону, — волк снова закивал,— и вы не будете меня трогать, — здесь зверю что-то не понравилось, он нахмурился, отрицательно покачал мордой и щёлкнул зубами. После чего зашагал обратно, считая переговоры законченными.

И кто сказал, что волки глупые животные?

Наступил следующий день. На ветвях уже почти не оста-

лось листьев, только на тех местах, где было сложно дотянуться, ещё красовались жалкие остатки. Ведьмак грыз ветку. Серая армия расценила этот шаг, как очень полезный совет и приступила к его выполнению, понемногу подгрызая ствол у основания. Да, такими темпами дерево свалится уже к утру! Надо что-то делать. Он посмотрел на соседнюю ветвь. Белка! Та самая рыжая белка!

– Откуда ты здесь?– выпалил Фёдор.

– От верблюда, – человеческим голосом отвечало пушистое создание.

Молчание.

– Вот что значит схватить белку!– молвил человек себе под нос.

– Тяжело тебе.– продолжало животное.

– Ты где говорить научилась?

– А я букварь купила. Меня Белла зовут.

– Белла, говоришь... бывают чудеса на свете, и имя им – глюки!

– Сам ты глюк,— обиделась рыжая и кинула в него орешком, который до сих пор держала в руках,— чего глаз то прикрываешь, меня ж здесь нет!

– Ладно, я уже ничему не удивляюсь. Можешь мне помочь?

– В чём?

– В ближайшей перспективе, уже к утру, та стая меня слопает. А я ещё так молод...

– Ты предлагаешь мне начистить им морды!?

– Ну, ты же говоришь — значит, ты волшебная белка и владеешь магией.

– Да, но это не мои методы?

– А какие твои методы!?

– Не груби, а то в лягушку превращу.

– Давай лучше во что-нибудь с крыльями.

– В комара?

– Нет, во что-нибудь поумней и поувесистей.

– В слепня!

– Нет в какую-нибудь птицу.

– В воробья.

– Да хоть в него! Мне, чтоб выбраться отсюда, да до города долететь. А потом обратно, что скажешь? У нас всегда были хорошие отношения...

– Нет, обратно не смогу. Ты лучше информацию прими, я ж не просто так прискакала. Дело есть. Сказать нужно много. Очень много важных вещей.

– Ну, так говори.

– Хорошо, ты Дусю помнишь, из кошачьих?

– Так это ж кошка моя, конечно, помню.

– Так вот, это моя мамка. Ну, чего глаза на лоб полезли? Мамка моя это. Мы с ней шифруемся просто, чтобы от

глаз лишних скрыться, понимаешь? Знаем мы твою семью. Всю. Весь род твой знаем. Ты смышлёный парень, сердце у тебя доброе, силушка внутри кроется немалая. Но это не главное. От судьбы не убежишь, а у тебя на роду написано прославиться. Вот только времени пройдёт много.

– Да как же я прославлюсь, если завтра меня слопают!?

– Ну, ты что-нибудь придумаешь, я в тебя верю. Инстинкты проснутся там и прочее. Ты главное, не перебивай. Так вот, на чём я? А! Изафона помнишь? Вижу, что да. Упырь он, самый настоящий. И в городе твоём уже давно упыриное царство.

– Так вот почему, все так резко в его веру обратились...

– Да. Жестокая реальность. Ты думаешь, они там, в церквушке, молитвы читали? Оргии и ритуалы! Изафон – этот ещё со старых времён выжил, заделался под попа, дождался, пока утрясётся всё, и занялся своим тёмным делом. Матёрый упырь, хочу заметить, вурдалак! Он, звереныш, уже не первую сотню лет воздухом дышит. Сорок раз его убить пытались, – не хочет помирать! Нет, говорит, не буду. Дескать, он обязан род продолжить, уму разуму детишек научить, наследничка подготовить, а потом, пожалуйста. В двух словах, тебе с ним сразиться придётся.

— С ним, да я костёр разжечь не могу...

— Научишься, всему научишься. Со временем. Я тебя учить буду, иногда. Начнём сейчас. Урок первый. Попробуй выжить! Ну а мне пора, до встречи.

— Эй, ты куда?— Фёдор, было, рванул за ней, но чуть не свалился и отбросил эту идею,— Паршивая белка! Попробуй выжить! Как? Остаётся только ждать, пока дерево свалится.

Поздняя ночь. Дерево уже начало покачиваться. Ведьмак так и не придумал никакого хитрого плана и надеялся только на волю случая. Не может быть! Послышались людские голоса. Он спасён! Сорок вооружённых всадников штурмовали ночь. Волки разбежались в панике, отплёвываясь и рыча на такую нелепую случайность.

— Братцы! Спасители!— загорланил юноша.

— Кто это у нас там,— зазвучал голос одного из всадников,— Смотрите, парень на дереве. Чего, волки загнали? Давай слазь, убежали они.

Федя последовал совету и приблизился к бородатому мужику на коне.

– Не знаю, чтобы я без вас делал, сгинул бы в диких желудках! Спасибо! Может быть, я к вам примкну? Вы же до города едете, правда? Вы, наверное, купцы какие-нибудь.

– Ха, почти угадал, работоторговцы!– только сейчас юноша заметил клетки с рабами,– давай снимай свою одежду, одевай эту рясу и полезай в клетку,– Двое мужчин приветливо отворили дверь, делая пригласительный жест.

– Братцы, а может, договоримся, у меня есть десять серебряных.

– Это хорошо, я их возьму, а затем на рынке получу за тебя ещё сорок золотых.

– Но сейчас же уже нет Рабства, и на рынках никто не торгует!

– В этих краях. Мы лесами доберёмся до порта и переплывём океан. Полезай в клетку!

– Помилуйте...

Его голос оборвался: тяжёлый кулак опустился на затылок, и он потерял сознание. Два мужика взяли его под руки

и понесли к остальным рабам. Вскоре караван тронулся.

Ведьмак очнулся в окружении любопытных и пытливых глаз, которые, казалось, изучали каждый миллиметр его тела.

— Тебя как звать?— заговорил один из рабов.

— Федя,— он встал на ноги и затряс руками клетку,— выпустите меня отсюда! Это безумие! Вы не смеете...

Тонкий кнут разрезал кожу на спине, и он опустился на колени, завывая от боли, кровь сочилась из раны. Его сокамерники только потупили глаза и покачали головами.

— Лучше смирись, брат, и молись, чтобы тебя продали хорошим людям, а не в какой-нибудь гарем. Там в лучшем случае сделают евнухом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.